

ОЛЕГ МАЗУРИН

Стрелы для хана или Богуслав из Китежа

Историческое фэнтези

Олег Мазурин

**Стрелы для хана, или
Богуслав из Китежа**

«Selfpub.ru»

2017

Мазурин О. В.

Стрелы для хана, или Богуслав из Китежа /
О. В. Мазурин — «Selfpub.ru», 2017

Предводитель одной из княжеских дружин Богуслав влюбляется в дочь воеводы – Дарину. Но на пути к счастью встает предводитель другого княжеского отряда – норманн Эрик. В качестве союзника витязь привлекает волхва и кудесника Милонегу. Они спасают родной город Богуслава Китеж от разграбления кочевников. Эрик, в свою очередь, склоняет на свою сторону скандинавскую колдунью Боргхильду и главного шамана всех монгольских улусов – Хагана. Начинается великая битва на земле не только между людьми, но и оборотнями, ведьмами, шаманами и прочей нечистью.

*Гей вы, ребята удалые,
Гуляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали – красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!*
(М.Ю. Лермонтов)

ПРОЛОГ.

ПОСЛЕДНЯЯ из РОДА ПЛОЦКИХ ВОЛХВОВ

*Мы пленники общей и темной судьбы
Меж вихрей вселенской метели,
А наши герои – всего лишь рабы
У мифа, идеи и цели.*
(И. Губерман)

Это было лето 1170 года.

Озеро Светлояр заносил черный дым. Пылало огнем разоренное поселение волхвов, в том числе и деревянный храм, окруженный двойным частоколом. В самом храме горел большой, превосходящий рост человека деревянный идол с четырьмя головами и четырьмя шеями. Две головы выходили из груди, а две – из области лопаток. Ноги кумира, вкапанные в землю, служили ему фундаментом. В правой руке четырехглавый бог держал рог из металла, который каждый год обычно наполнял вином главный жреца для того, чтобы предсказать будущий урожай. На левой руке божества висела узда и седло. На боку – огромный меч в ножнах. То было языческое божество – Светич.

Возле деревянного кумира лежал главный жрец племени со стелой в груди. А рядом с ним – порубленный мечами священный белый жеребец, у которого выдернуть волос из гривы или хвоста считалось для язычника великим бесчестием. Но для верующих в Христа воинов этот конь не являлся неприкасаемым животным, и они убили его ради забавы. Почти вся главная площадь поселка была усеяна окровавленными трупами. Вперемежку лежали старики, мужчины, женщины, дети. Так волхвы заплатили за свою веру. Христиане-дружинники по воле великого князя Владимирского – Андрея Боголюбского – безжалостно расправились с еретиками.

Уже почти два столетия после принятия христианства на Руси шла непримиримая борьба православных князей против язычников. Разрушались культовые сооружения волхвов – деревянные идолы, капища, а сами приверженцы языческих обрядов беспощадно преследовались княжескими дружинниками. Еретиков бросали в темницы, зверски пытали, вешали на деревьях, сжигали на кострах и попросту убивали. И не было конца и края этой религиозной войне.

А началась она в годы правления великого новгородского и киевского князя Владимира Красное Солнышко или по-другому Крестителя. До его княжения волхвы были главными служителями языческой веры. Волхвы издревле проводили религиозные праздники, обряды, занимались гаданием, колдовством, волшебством, траволечением, целительством и

предсказаниями. Они были настолько почитаемы в народе, что их мнение считалось гораздо выше, чем княжеское. За советами и предсказаниями к ним обращались даже вельможи и правители. В итоге это обстоятельство и погубило язычество, так как князь Владимир жаждал единоличной и неограниченной власти, а волхвы мешали ему в этом. И тогда Владимир Святославович избрал ту религию, которая и дала ему эту власть, а кудесники оказались вне закона и были объявлены служителями Дьявола. И вот тогда началось их жесточайшее преследование и истребление по указке князя! А жестокость, мстительность к негодным была у князя Владимира в крови, и о ней слагали тогда легенды. Одна история его женитьбы на полоцкой княжне Рогнеде чего стоит!

Когда Владимир посватался за Рогнеду, то получил от нее решительный отказ словами: "Не хочу разувать раба" (По славянским обычаям жена должна была снимать обувь с мужа, когда тот приходил домой). Княжна, уже помолвленная с новгородским посадником – Ярополком, считала недопустимым выйти замуж за сына наложницы, которым и был Владимир. Тогда разъяренный Владимир захватил Полоцк, взял в плен семью правителя города князя Рогволода, изнасиловал Рогнеду на глазах её родителей, а затем убил её отца и двух братьев. Княжну Рогнеду он вопреки ее воле взял в жёны. А в городе Родне Владимир заманил Ярополка на переговоры, где два варяжских наемника князя закололи его мечами. Беременную жену Ярополка, бывшую греческую монахиню, Креститель Руси взял в наложницы. А наложниц и без того было у Владимира в достатке. Креститель Руси, ненасытный в блуде, имел их практически во всех городах и селах своей вотчины. Например, по триста временных "жен" в Вышгороде, триста в Белгороде, двести в Берестове и т.д. Надо ли говорить с какой звериной и кровавой беспощадностью князь Владимир, "исповедующий" религию "не убий" и "возлюби ближнего своего как самого себя" уничтожал безоружных и безобидных волхвов! Они гибли тысячами! Но волхвы не желали мириться с такой действительностью и порой поднимали восстания, но их выступления безжалостно подавлялись. Больше всех в этой религиозной войне отличился сын Крестителя всея Руси – князь киевский Ярослав Мудрый. Он разрушил капище Велеса в 1010 году и расправился с еретиками во время восстания на Ростовской земле в 1024 году. А сын его воеводы Вышаты – тысяцкий Иоанн Вышатич в 1071 году подавил в Ярославле и Белоозере восстание волхвов и почти всех их казнил. Семь лет спустя в Новгороде выступление еретиков было подавлено Тмутараканским князем и третьим сыном Ярослава Мудрого – Глебом Святославичем. Князь лично расправился на новгородском вече с главным из волхвов, но за это был вскоре изгнан новгородцами и бежал за Волоч, где был убит чюдью.

И вот сегодня в непроходимых лесах Залесья по указке одного подлого наушника и предателя было истреблено еще одно племя волхвов – потомков полоцкого князя Всеслава Брючиславича по прозвищу "Чародей". Неподалеку от объятого огнем идола стояла босоногая девушка в длинной льняной рубашке белого цвета с красно-синей вышивкой на подоле и на конце широких и коротких рукавов. Звали девицу Ладимира. В ее обезумевших глазах застыли ужас и боль.

Девица встала на колени и возвела руки к небу.

– О, Светич – владыка Белого света! Бог богов, бог-всадник, сражающийся ночью со злым Чернобогом! Ты всемогущ, справедлив и добр! Отчего тогда в лихой час ты отвернулся от нашего племени! Отчего ты позволил убивать нас этим христианам! Мы так тебя любили и почитали! Мы зывали к тебе и ежедневно и еженощно! А ты... Нынче все наше племя перебито. Мой отец – главный жрец, мать моя, братья, сестры... Загублены остальные жрецы, а также лучшие и достойные мужи, что погибли с оружием в руках. Одна я схоронилась, и то благодаря яме от поваленного дерева, переждала там до поры до срока буйный набег христиан. Иначе растерзали бы мое тело молодое и непорочное лихие дружинники, и я бы не избежала великого позора... Мы все – потомки самого Всеслава Полоцкого, нашего великого князя, волхва и кудесника. Последняя я из этого рода осталась. Дажьбог так и не устроил мою свадьбу. Забыли про меня Лада и Ярило, не познала я ласку мужскую доньше, да дите не родила. И где тогда тот зеленый росток, что вырос бы в прекрасное деревцо и продолжил наш полоцкий род? Но видимо на мне прервется он! И куда мне теперича идти? Кому я нужна? Жить не хочу я отныне и не буду! Утоплюсь, стану русалкой! Царь водный – желтоглазый Ящур прими красну девицу в свои объятья! Ладимира поспешила к озеру.

Очутившись возле него, она решительно вошла в воду и содрогнулась... Тело тут же покрылось гусиной кожей: холод пронзил каждую клеточку девичьего организма! Ах, до чего студена вода в озере! Подпитывают Светлояр многочисленные подземные ключи, оттого оно и прохладно даже в знойную летнюю погоду. Быстрее девица околеет от холода, чем утопиться. И вдруг темное от дыма небо стало еще темнее: его стремительно заволокло черными огромными тучами. Ничего не стало видно вокруг! Ничего! Среди бела дня наступила кромешная и глубокая ночь. И сразу подул сильный ветер, завыл, как дикий зверь, страшно и надрывно. Следом за ним прогрохотал оглушительный гром, и сверкнула ужасная молния! Ладимира явно напугалась разгулу стихии и попятилась к берегу. Озеро потемнело, всколыхнулась, забурлило, появились большие пенистые волны. Они с ревом стали накатывать на берег, стараясь поглотить все на своем пути. И вот одна из мощных волн сбила Ладимиру с ног и понесла в озерную пучину. Девушку накрыло с головой, и она тут же поперхнулась от попавшей в ее дыхательное горло воды. В глазах потемнело, зашумело, к вискам начала приливать кровь и сдавливать их. Ладимира стала тонуть...

"Всё, смерть! Отмучилась я! Боги разгневались на меня, и я погибаю! Но краше так, али погибнуть от позора и надругательств дружинников..." – были последние мысли девушки, и несчастная потеряла сознание. ...Когда Ладимира пришла в себя, то увидела что лежит на берегу. А стихия продолжала свою небесную вакханалию. По-прежнему грохотал гром, разрезали свинцовое небо желтыми зигзагами все те же ослепительные молнии, а буйный ветер продолжал гнуть и ломать деревья. Сорванная с ветвей листва в великом множестве летала повсюду. Языческие боги в лице стихии никак не унимались.

Девушка была крайне удивлена: это сон или реальность? Как же так?! Она тонула в озере, начала захлебываться, а теперь находится на берегу живая и не невредимая? Как же ее вынесло на сушу? Гигантской волной?

Или с помощью божественной силы? Так или иначе, но она пока в этом мире, а не в водном! Неужели Водный Царь ее отверг?! Ведь она так красива и непорочна! Но что ее ожидает далее? Ах, кабы то знать!

Последняя из племени полоцких волхвов снова обратилась к небесам:

– О, Перун – громовержец! Хорс – бог солнца! О, Стрибог, посылающий на землю ветры! И ты, огненный Сварожич! Что вы от меня хотите? Почто вы так беснуетесь?! Почто беснуетесь, но не хотите меня убить! Вы приготовили мне иную кару, страшнее, чем водная пучина? Так бейте меня молниями, жгите огнем, уничтожайте ветром! Я беззащитная пред вами! И слабая! На все воля ваша! Лишайте меня жизни, мне отныне все равно!..

И вдруг девичьи груди прямо на глазах начали стремительно расти и набухать, а девичий живот – с такой же скоростью увеличиваться в размерах. Ладимиру резко затошнило и едва не вырвало. За короткое время ее живот надулся как здоровущий пузырь, а внутри его кто-то зашевелился! Девушка дико испугалась: что за чертовщина!

Не успела она отойти от первого шока, как живот опустился вниз...

Ладимира услышала хлопок – она еще не знала, что это разорвался околоплодный пузырь. Тут же отошли воды, и дико больно потянуло низ живота – начались родовые схватки! Девушка упала на спину и громко закричала. Казалось, новоявленная роженица не вынесет этих нечеловеческих страданий и умрет от болевого шока.

– О, небеса! О, боги! Что со мной?! Я не выдержу этого! – истошно заорала девушка.

Она принялась плакать, звать на помощь покойную мать и сестер, а разбушевавшиеся стихии воем и грохотом заглушали девичьи крики, и никто, кроме богов, не видел ее адских мучений.

Ладимира никак не могла поверить: неужели она рождает?! Такого не может быть с ней! Когда же она могла зачать? И от кого?! Ведь она не с кем не грешила, и непорочной и чистой была до этой минуты. Что за чудо из чудес?! Не иначе боги все это устроили! Но для чего?!!

И когда, девушка уже была близка к потере сознания, раздался громкий младенческий крик. Она нашла в себе силы приподняться и увидела возле ног живой комочек. Он судорожно и хаотично дергал маленькими ручками и ножками. И плакал. Это был ее ребенок! И это мысль придала девушке невероятную силу!

Ладимира увидела, что неподалеку валяется нож: видимо кто-то из ее соплеменников в суматохе обронил его. Роженица подползла к нему, крепко сжала в руке и, стиснув зубы, отрезала пуповину. Новоявленная мать взяла на руки сморщенного розово-желтого малыша с глазками-щелочками и донельзя счастливая прижала его к себе. Девичьи слезы высохли моментально. Ладимира принялась благодарить своих богов:

– Хвала тебя, Светич и вам хвала, боги других стихий! И ты, великий Род и роженицы, восхваляю вас за появления на свет моего сына! Да будет судьба его радостна и славна! Да продолжиться навеки род волхвов полоцких! О, боги, благодарю вас!..

И тут произошло новое чудо. Неожиданно стих ветер, прекратился дождь, отзвучал гром, перестали мелькать яркие вспышки молний – и сразу воссияло солнце! Почерневший от огня Светич и прочие идолы уже не

горели. И дыма стало меньше. А в лазурном небе под белыми облаками парил гордый орел.

И тут снова забурилась вода, и из озера показалось... огромное чудовище! То ли гигантский ящур, то ли морской дракон. Ладимира замерла... Какое это чудовище страшное!.. Глаза как у змеи: желтые, немигающие, холодные, только огромные как плашки! Темно-зеленая кожа, на спине – шипы! Лапы с острыми, как лезвия, когтями, длинный мощный хвост, а из пасти торчат ужасные клыки.

Вот он – Водный дракон или Водный царь! Именно к нему Ладимира обращалась за помощью! Все волхвы знали об озерном чудовище, но никто его никогда не видел. И вот он появился на божий свет! И ради чего? Неужели он хочет ее съесть?! О, Светич, помоги!

Девушка в ужасе закрыла глаза, а когда открыла – Ящур и след простыл! Лишь только остались всплески на глади воды. И озеро сразу успокоилось. Только теперь девица догадалась, кто спас ее из глубин озера и воспользовался ее непорочностью. Она торжествующе подняла вверх новорожденного сына и гордо воскликнула:

– Вот он родитель моего сына! Отныне сроднились мы с великими богами! Отныне я буду жить, и сын мой будет жить! И род полоцких волхвов никогда не умрет! А мой сын еще обретет и бессмертие! Он полу-бог, полу-человек! И да пусть Мокошь, жена верховного громовержца Перуна как богиня судьбы даст моему сыну счастливую и долгую жизнь! Ладимира поднесла одну грудь ко рту младенца, и он, перестав кричать, схватил набухший темно-розовый сосок губами и стал жадно сосать. Девушку охватило безумное ликование. Вот оно нежданное счастье – ее крошечный сын! Она назовет его Милонег, то есть: "милый", "нежный", "содержащийся в неге". Да пусть хранят его языческие боги!

Младенец поел и заснул. Ладимира бережно прижимая сына к теплой груди, с трудом встала и пошла в сторону полусгоревшего поселения. Там она попытается найти хоть какие-то запасы пищи и хоть какую-нибудь одежду для сыночка. Девушке необходимо усиленно питаться, чтобы прокормить младенца и не умереть самой. У роженицы и ее сына начинается новая жизнь. У матери – уже вторая, а у младенца – только первая. Но отыщет ли Ладимира пищу и одежду в разоренном поселке? Ведь все до крошки выгребли и увезли с собой жадные ратники князя

...В это время к берегу озера подплыл деревянный идол Перуна. Он был обезображен. Это дружинники постарались на славу. Они иссекли его лик мечами секирами, ножами, пытались даже поджечь, а, в конце концов, выкопали и бросили в озеро. Но зря усердствовали христианские фанатики: языческие идолы не тонули, не горели и не умирали в сердцах и умах их последователей. Он пока властвовали на Руси, спасая всякий раз своих приверженцев от неминуемой смерти и жестокого преследования.

ГЛАВА 1.

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива.

Пуцай без страха жалуют к нам в гости.

Но ежели кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет.

На том стоит и стоять будет Русская земля!

(Александр Невский)

Славен город Владимир и велик!

И крепки его городские стены!

На валах стоят деревянные срубы, наполненных землёй. На верху стен имеются широкие площадки, внешнюю сторону которых прикрывают "забрала". В них устроены щели для стрельбы по противнику – "скважни". Стены укреплены башнями на каменном фундаменте. Стоят на забралах русские стражники-лучники и зорко всматриваются вдаль: не приближается ли к граду враги или лазутчики? Не пора ли подать сигнал тревоги? Внимательно дозорные вглядываются, глазасто следят... Но нет, не видно пока супостатов на горизонте, нет пока и лазутчиков, а значит, нет и причин для беспокойства.

Мирно живет и торгует славный град Владимир. Вот уже почти двести сорок лет. Горожане торгуют, ремесленничают, сеют, пашут, служат, воюют. И знают, что им нечего бояться: прочна и надежна оборона города. И бдительна! И славен и мудр их правитель и заступник – великий князь Юрий Всеволодович! И войско Владимиро-Суздальского князя сильно как никогда! Оттого и уверены горожане в своей безопасности и спокойны за жизнь своих жен, детей и матерей. Надежа-князь не даст их в обиду никому!

А задолго до этого, в третьем тысячелетии до рождества Христова, на территории, которую занимает теперь Владимир, жило волго-финское племя – меря. Но в IX-X веках их вытеснили славяне. Поначалу ильменские, а затем и другие племена.

Основал город в 998 году не кто иной, как вышеупомянутый Владимир Красное Солнышко. К княжескому имени народ прибавил притяжательный суффикс "жь" и получилось "Володим рь"

#

, что в переводе со

старославянского означало "град Владимира". В прошлом это поселение называли Владимир-на-Клязьме или Владимир-Залесский.

Город начал расти и укрепляться благодаря усилиям Владимира Мономаха и Юрия Долгорукого, которые рассматривали Владимир-на-Клязьме как главную крепость Владимиро-Суздальского княжества. Своим дальнейшим расцветом город обязан князю Андрею Боголюбскому, который в 1157 году перенёс сюда столицу княжества. Его преемник и сын – Всеволод Большое Гнездо продолжил строить и укреплять Владимир. В то время Всеволод был одним из самых могущественных русских князей, и с его правления за владими́ро-суздальскими князьями закрепился титул "великих".

Двадцать пять лет назад Всеволод скончался, и править городом и всем княжеством стал его сын – Константин Добрый. Через шесть лет Константина после братской междоусобицы сменил другой сын Всеволода Большое Гнездо – Юрий.

...Начало ноября 1237 года выдалось не очень морозным, к тому же и малоснежным.

Был полдень.

В город через главные ворота в это время въезжал конный отряд в человек пятьдесят. Мужественные и суровые лица, побывавших не в одном сражении воинов; сверкающие на зимнем солнце стальные шлемы, кольчуги

и копья; красные овальные щиты с изображением бело-желтых львов и птиц; а также гордые стяги с ликом Всевышнего и Божьей матери – все это производило неизгладимое впечатление на любопытных горожан, заставляя их невольно испытывать гордость за своих храбрых и величавых ратников. Впереди отряда на вороном мускулистом и красивом жеребце по прозвищу Смелый ехал предводитель одной из княжеских дружин – богатырь Богуслав. Внешность его была весьма благоприятной и притягивающий всякий женский взор: русый волосы, остриженные в кружок, русая борода, синие ясные глаза, ямочки на щеках. Красивый баритональный голос. Широкие и мощные плечи, могучий торс, сильные руки и ноги. И нет на свете более яростного и сильного воина в бою, чем Богуслав. Изведали не раз его богатырские силы и печенеги, и хазары, и болгары и половцы, и берендеи с торками, да и дружинники других русских князей, те что из Рязани, Пскова или Чернигова. Знают о нем не понаслышке враги и недруги Суздальско-Владимирского княжества и по-настоящему боятся.

Отряд въехал на городскую площадь. Она была заполнена кучей разного народа: ремесленники, смерды, холопы, ростовщики, купцы, бояре, стражники, церковные служители. Повсюду шел торг, продажа, обмен. Стоял шум, ор, гвалт. Слышались отдельные возгласы, призывы и смех...

Большой Успенский Собор, белокаменный и величавый, сверкал золотыми куполами и крестами. Возле него шатались калеки и нищие. Бегали бродячие собаки. В VIII-X веках после рождества Христова на месте храма был холм, вокруг которого некогда существовал фино-мерянский посёлок. Богуслав вдруг засиял как красно солнышко: он увидел ту девушку, о которой постоянно грезил, и чья небесная красота вдохновляла витязя на ратные подвиги. То была девушка по имени Дарина – дочь боярина и главного княжеского воеводы Полябы Удалого.

"Дара, краса моя! Неужто вышла меня встречать?!" – в великом волнении застучало сердце богатыря.

Ах, какая у нее стать! И до чего она прекрасна! Светловолосая, синеокая, белолицая. Длинная роскошная коса, пухлые розовые губки, румяные щечки, черные брови, черные ресницы (как и все русские модницы Дарина покрывала лицо густым слоем белил и румян и чернила брови). В девичьих ушах красовались вытянутые золотые серьги с яхонтами, а на пальцах алых рукавиц – золотые кольца и перстни с драгоценными камнями. На Дарине был надет серый с золотистыми узорами опашень, подбитый собольим мехом, соболя шапка с атласным околышем и жемчужные поднизи поверх покрывала.

Увидев богатыря, Дарина мило улыбнулась ему. И тут Богуслав резко поменялся в лице, напряглось все его богатырское тело, а нервы вытянулись в струну. Тихая ярость постепенно начала овладевать им: возле любимой стоял, расточаясь в любезностях и похвалах, варяжский воин Эрик.

Эрик – норманн, или как их еще называют на Руси викинг, перешедший в свое время на службу к князю Юрию Всеволодовичу. Его родина – один из фьордов острова Скандия. Он под стать Богуславу. Такой же сильный и смелый воин. Физически мощный, орлиный нос, скуластое лицо, квадратный подбородок, рыжие волосы, рыжие брови, рыжая борода. Ему тридцать лет – самый расцвет для ратника. Лицо его украшает длинный шрам около левого глаза – след от касания английского меча.

В свое время у себя в Скандии Эрик неплохо продвинулся по военной службе. Он был в свое время форингом – предводителем норманнской дружины, затем стал хёвдингом – предводителем херада (воинского объединения), после херсиром – командиром объединения херадов. Мог бы он стать и ярлом, но повздорил со своим конунгом, бился с его людьми, потом бежал на Русь и поступил в услужение к Юрию Всеволодовичу. Но и здесь он не затерялся. В схватках он бился неустрашимо и яростно и прославился как храбрый и непобедимый воин. Постепенно Эрик стал предводителем своего отряда. Он, как и Богуслав, был в почете у великого князя Юрия Всеволодовича.

Не понравилось Богуславу то, что варяг находится рядом с Дариной и улыбается ей. Коварная ревность в одночасье затмила разум богатыря. Нахмурился страшнее грозových туч русский витязь, и его правая рука его невольно легла на эфес меча.

– Эй, Эрик, негоже тебе с Дариной любезничать! – угрожающе предупредил соперника Богуслав. – Отойди прочь от нее!

Эрик изумился, глаза его сверкнули холодным льдом, а его грубый голос загремел металлом:

– Отчего же?! И кто мне это возбранит?! Не ты ли?

– Да я! Я так желаю! – яростно сверкнул глазами Богуслав. – И довольно пререкаться!

Эрик нагло усмехнулся.

– Мне твое желание не указ, Богуслав! Я сам себе владетель! И более тебе скажу: я нынче сватаюсь за Дарину, и она будет моей женой!

Девушка удивленно посмотрела на норманна, а Богуслав от этих слов пришел просто в бешенство.

– Лжешь, варяжская собака! Зело лжешь! Да я тебя сейчас разрублю на части!

– Попробуй, русский бахвал! – "ощетинился" викинг.

Богуслав быстро спешил с коня и, сделав знак своим дружинникам, чтобы те не вмешивались в ссору, обнажил меч. Эрик тоже извлек меч из ножен. Богуслав первым атаковал своего противника, и булатные клинки скрестились! Зазвенела сталь, полетели искры. Соперники делали яростные и мощные выпады. Оба воина были непревзойденными мастерами ближнего боя.

Вокруг сражающихся живо образовалась любопытная толпа: В первом кольце стояли воины Богуслава. А за ними – купцы, их слуги, ремесленники, крестьяне, знать и иностранные гости. Многие стали шуметь, выкрикивать и подбадривать обе враждующие стороны.

– Убей его Эрик! Убей!

– Заколи русича!

– Богуслав, снеси ему голову! Покажи кто лучший витязь на Владимирской земле!

– Бей проклятого варяга!

– Разруби его на части, Богуслав!..

Теперь Эрик перешел в наступление, а Богуслав с трудом отбивался от сильных и быстрых ударов норманна.

– Стойте! Опомнитесь! – заметалась возле витязей Дарина. – Вы изведете друг дружку! Прекратите! Богом прошу! Остановитесь! Что вы

делаете?!

Но распаленные обидой соперники не слушали девушку и продолжали схватку. А Дарину оттащили от поединщиков какие-то бояре.

– Прочь отсюда! – кричали они. – Не шали, девка! Порубят тебя на мелкие части сии драчуны! Вот Полябе нашему горе прибудет великое!

– Ах, остановите их кто-нибудь! – продолжала суетиться Дарина.

И вот на площади появился на белом коне сам князь Суздальско-Владимировской земли Юрий Всеволодович, его верный воевода Поляба Удалой – отец Дарины и личная охрана князя в количестве тридцати всадников.

Увидев толпу зевак и поединщиков, князь не на шутку разгневался.

– Это что за намеренная брань?! – воскликнул он. – Ужель это мои лучшие воины меж собой бьются?! И кто это?! Богуслав и Эрик?! Ах, они окаянные! Да что за бесовство учинили! И какова причина тому стала?! А ну прекратить схватку! Да немедля!

Воевода, уловив настроение князя, поскакал вперед и громогласно объявил:

– А ну расходишь народ честной! А вы мечи в ножны! Мечи в ножны!

Слышите, олухи распроклятые! Кланяйтесь в ноги князю! И просите его о великом милосердии, а то не сносить вам головы за такое прегрешение! Ах, вы, петухи драчливые, что удумали!

Этот крик отрезвил двух поединщиков, и они к своему великому неудовольствию засунули в ножны мечи, встали на одно колено и смиренно поклонились князю. Глубоко поклонилась и Дарина.

Князь прикрикнул на соперников:

– Воины мои, негоже вам убивать друг дружку! Что вы как кошка собакой! Других дел али ли нет, как биться с ратным товарищем! Не перевились еще враги наших земель, их – тьма, вот их и рубите! А здесь в родном граде – не треба чинить потеху! Вот велю вас строжайшим ладом наказать, да публично, да на красном месте! Дабы другим неповадно было – надолго запомните у меня!

В свою очередь воевода прикрикнул на свою дочь:

– Дарёна, а ну с глаз долой! Ступай немедля домой и сиди в своей светлице! Я приду – поговорим! Не взыщи долее! Эх!..

Щеки девушки запылали ярче алого рассвета, она, не поднимая очаровательных лазурных глаз, чуть не бегом отправилась в свой боярский терем. А за ней и ее служанка.

Князь приказал Эрику следовать к своей дружине, а Богуславу – прийти к нему в терем через час. Поединщики быстро удалились с княжеских глаз долой, стараясь больше не гневить своего правителя. Стал расходиться и разочарованный неоконченным зрелищем народ. Все обсуждали скоротечный бой.

Юрий Всеволодович, неодобрительно покачивая головой, принялся размышлять вслух, а Поляба Удалой стал внимательно его слушать...

– Ладно, когда мы с врагами бьемся, а тут свой со своим воюет? Куда то годиться! Неприглядность это великая и срамota! Беспутство какое-то!

– Согласен, мой княже, то озорство ненужное да безбожное.

– Помысли, мой верный воевода, а коли Эрик уйдет к своим норманнам в Скандию? То это пять дюжин отменных воинов мы не досчитаемся. А

поганее, ежели они схватятся супротив – сто десятков витязей уже убудут из нашей дружины. А каждый воин из подобного отряда стоят дюжины ворогов! Так это не дело, вовсе не дело, дабы они друг дружки били!

– Ты прав, мой княже, не дело то, не дело.

– Породил ты, Поляба, красавицу-дочку на мою голову! Всяк, кто на нее глянет – сразу в жены взять ее желает. Лучшие дружинники мои готовы друг дружку посечь ради одного только одного ее лучистого взгляда. Раздор твоя лебедушка сеет меж отменных ратоборцев. Зело плохо. А на нас татары, говорят, собирается идти. И для меня каждый воин на счету ныне!

Воевода сокрушенно выпалил:

– Да разве я повинен, княже, в том, что дочь пригожую вырастил?! И то, что бог наш, Царь небесный, наградил ее красотой невиданной! Сам люблюсь ее – не налюбуюсь.

– Повинен, не повинен – от этого мне отнюдь не легче. Думай думу, умная голова, как из сей истории выпутаться с честью. Да так, дабы Эрика и норманнов под одним моим крылом сохранить, а Богуслава с его отрядом – под другим. А то, чую, большой беды не миновать. Побьют они друг дружку. Богуслав чуть-то – вспыхивает как огонь, а Эрик ему в том не уступает. И свои обиды не прощает. Мстителен он и коварен.

Поляба Удалой в задумчивости почесал свою седую и кудлатую бороду и затем сказал:

– Все должно быть честь по чести, княже, дабы никому обидно не было.

– Правильно мыслишь, воевода, но как сию трудность верно разрешить?

– Вот что я удумал... А что ежели устроить им кулачный бой? "Сам на сам". Эрику и Богуславу.

– Кулачный бой? – удивился Юрий Всеволодович. – Бойка? Эхма! Для какой нужды-то?

Поляба Удалой хитро прищурился.

– А вот для какой. Пушай побьются без оружия. Так они не лишат друг дружку жизни, а наставят токмо синяков да ушибов. Кто одолеет соперника, тому и отдам Дарину. То честь по чести будет! И никто из них не обидится на такую волю. Каково, княже?

Юрий Всеволодович оживился:

– А что, верная мысль, Поляба! Быть по сему! На то будет моя княжья воля! Устроим им поединок! И в угоду нашему народу и ради нашего успокоения. Вот потеха будет!.. Только скажи, Поляба, не жалко будет чадо родимое викингу отдавать, коли он вдруг победителем окажется? А ежели она его не страждет вовсе?..

Воевода тяжело вздохнул.

– Мне как отцу, разумеется, жалко ее будет. Да и к Богуславу я более радею, чем к Эрику. Но... токмо ради процветания и единения нашего княжества чего только не сделаешь. Пожертвую я и Дарёной. Но, а ежели Богуслав станет в бою лучшим, то я искренне возрадуюсь сему и обращу свои хвалебные речи Отцу нашему небесному.

– Будем радеть за Богуслава, дабы он был первым на кулаках. Я тоже люблю я его больше всех моих богатырей.

– На том и порешим, мой вождь.

– Согласен, на том и порешим...

Княжеский отряд разделился. Часть дружинников отправилась за воеводой, а другая часть – за Юрием Всеволодовичем.

Князь приехал к себе в хоромы.

На огромном княжеском дворе деревянными мечами и секирами фехтовала несколько десятков детей и отроков. В возрасте от восьми до семнадцати лет. Другие юные "воины" стреляли по мишеням из лука и занимались гимнастикой. Между ними ходил наставник, калека-ветеран и указывал на промахи учеников. То была "младшая дружина" Юрия Всеволодовича. Великий князь уделял большое внимание ратному подрастающему поколению: век война не долог, то в битве погибнет, то от ран скончается, и важно было князю, чтобы его войско своевременно пополнялось молодыми ратниками взамен выбывших ветеранов.

Будущих дружинников помимо воинского искусства обучали еще и некоторым христианским канонам: их старались растить смелыми и бесстрашными ратборцами, другими словами, развивали в них качества, которые считались среди дружинников самыми главными добродетелями, то есть когда боец мог пожертвовать своей собственной жизнью ради жизни другого, особенно, когда дело касалось жизни своего господина и покровителя. К тому же отроков привлекали еще и к исполнению служебных обязанностей при княжеском дворе; между ними могли быть и несвободные люди и холопы, детские же "дружины" состояли исключительно из свободных – сынки и пасынки бояр и воевод.

И часто, проезжая мимо упражняющихся мальчиков, князь внимательно всматривался в их лица, телосложения, оценивал их упорство, работоспособность, действия и пытался предугадать: кто же из этих отроков вскоре станет новым Богуславом или Эриком?

В конце двора находилась хозяйственная часть княжеской резиденции. Она состояла из множества пристроек – конюшня, свинарник, курятник, поварня (поварская), мыльня (баня) и помещения для челяди. Здесь на открытом воздухе холопы жарили на вертелах дичь, а в поварской, на русских печах готовили другие кушанья.

Юрий Всеволодович с помощи слуги слез с коня и распорядился поесть. Вслед за господином спешили и дружинники. Эти воины жили при княжеском дворе, в помещениях, пристроенных к главному терему.

Конюхи занялись конями, а холопы еще больше засуетились.

– Великий князь трапезничать желает! – проорал всем чашникам какой-то слуга и убежал в поварню.

В просторной парадной зале для гостей – гриднице – длинный дубовый стол проворно застелили белой с красными узорами скатертью. Положили на него серебряные ложки и ножи и заставили всякими яствами, а именно: зажаренные на вертеле (то есть "верченные") кабан, косуля, зайцы; жаренные крупными кусками в русских печах куры, гуси, тетерева; соленые лимоны, изюм, овощи и грецкие орехи. И все это подносилась на серебряных и позолоченных подносах. Поставили на стол и разные кувшины и ковши. А в кувшинах и ковшах – красное заморское вино, хмельной мед, сбитень, клюквенный и брусничный морс. Не забыли слуги принести в гридницу и небольшой столик с лоханью для мытья рук.

Юрий Всеволодович полакомился мясом косули, запил ее вином.

Отведали угощения и семь верных дружинников князя.

Спустя минут десять в гридницу зашел хмурый Богуслав и низко поклонился. Он знал, что сейчас князь будет его распекать за схватку с Эриком на главной городской площади, поэтому, не поднимая глаз, смиренно сказал:

– Вот и я, княже. Пришел, как ты велел. В точно оговоренный срок. Юрий Всеволодович сделал знак своим верным ратникам покинуть гридницу, и когда те ушли, сдвинул грозно брови и суровым тоном произнес:

– Садись, мой верный Богуслав, супротив меня, речь будешь держать перед своим князем. Расспрос я зело непростой для тебя поведу. Не взыщи, ратоборец.

– Спрашивай, княже... Знаю, что повинен пред тобою, на том и ответ держать буду.

Богуслав опустил глаза...

Юрий Всеволодович изо всей силы стукнул кулаком по столу!

Зазвенели, задрожали подносы, ковши и кубки. Пару кубков опрокинулось на пол. Холопы от страха замерли. Князь гневно закричал:

– Рассердил ты меня, мой верный ратник, не на шутку! Зело рассердил! Почто свару устроил с Эриком?! Эх, ты, нашел дикую забаву! Биться с братом по оружию! Это мне без надобности в нынешнее время! Повинен ты в том! Вот велю тебя бросить в темницу за бесовское своеволие – будешь знать!

– Воля твоя, великий князь...

Богуслав поник головой и замолчал, а князь продолжал, но уже снизив тон.

– Почто мне не надобны ваши брани? А вот почто... У Суздаля и Воронежа, да на Дону, стоят полчища монголов да татар. Видимо их невидимо. Словно поганого воронья в небе – темно от них даже днем. Ведет их внук Чингисхана – Батый. Разбили они аланов и половцев, покорили мордву, буртасов и мокшу, а еще ранее уничтожили волжских булгар, города их сожгли, полонили многих, и за нас могут приняться. Намедни воины Креслава поймали в дозоре татарских гонцов к королю Венгрии, так они подтверждают, что их великий хан против Руси поход замышляют. Война великая предвидеться, а ты, неразумный, за девицу воюешь! Жизни не жалко! Этих девиц в нашем княжестве не пересчитать и по пальцам. Ежели за всякую бабу биться до смерти, семи жизней не хватит.

Богуслав еще больше поник головой и, тяжело вздохнув, наконец вымолвил:

– Девиц, верно, княже, немало во Владимирской земле и в других княжествах тоже. Но мне нужна лишь Дарина. Нет больше на Руси такой красавицы как она. И признаюсь, княже: любя она мне, ох, как любя! Юрий Всеволодович смягчился.

– Люба, толкуешь?..

– Да, мой княже! – с жаром заговорил Богуслав. – Сердце мое богатырское она, лебедушка белая, птица сизокрылая, опалила! И чем опалила? Своими голубыми очами, пригожим лицом, лепой улыбкой и девичьей статью. Горит от неведомой страсти сердечко мое, ярче солнца пылает! И нет мне больше мочи, мой княже, терпеть такую муку! Как увижу

ее – сразу разума лишаюсь! И силы свои богатырские теряю, очи свои бойкие опускаю к низу, ягненком становлюсь безропотным пред нею. Не могу без нее жить на этом белом свете! Готов с любым сразиться за нее и даже с целым войском – но только не отдать никому Дарину!

– Во как! Теперь я вижу: сходишь ты с ума по ней взаправду. Что не мудрено. Она поистине зело пригожа...

– Вот о том я и толкую, княже.

– А она же... кого избрала своим суженым? Неужто твоего супротивника – норманна? Али иного русского витязя? Что скажешь на то?

– Глядится, княже, что меня она выбрала.

– Будто? И по каким приметам?

– Приветлива она всегда со мной, улыбается. Люб я ей. Я ее служанку подкупил дивными серьгами, что с похода против половцев привез, вот она и говорит по секрету, что нравлюсь я хозяйке ее. Только, мол, Дарёна не осмеливается видится со мной: отца своего страшно боится... А насчет врагов... Ежели монголы придут на нашу землю, то дадим им достойный отпор. Перебьем их всех до одного! И храбрости, доблести и воинского умения нам не занимать. На том Русь всегда и стояла.

Юрий Всеволодович покачал головой.

– Твоими устами да мед пить, Богуслав. Супостаты – крепкие воины, да и численность их поболее нашего войска будет. Трое великих князей и все Мстиславы – Мстислав Старый, Мстислав Удалой, и Мстислав Святославович, да и другие наши храбрые князья пятнадцать годков тому назад сложили свои буйны головы на реке Калка супротив монгол. И половцы хана Котяна нам в ту пору не помогли. Сильные они ратники, сильные... Не бояться их, но настороже с ними надобно быть... Так что не хочу я, чтобы брань между моими дружинниками была в такую годину. С кем я пойду против азиатов?

– Так что мне делать, княже? Как быть?

– Как быть?.. – Юрий Всеволодович щелкнул пальцами, украшенными драгоценными перстнями. – Эй, слуги мои верные, Налейте богатырю вина!

Тут же к Богуславу подбежал прислужник с серебряным ковшом, налил в кубок витязю красное вино, а князь сказал с едва заметным нажимом:

– Отпей, мой верный ратник, за мое здоровье.

– Отчего бы не отпить, княже! – Богуслав поднял кубок и воскликнул. –

За тебя, княже, долго тебе жить и править нашими землями! По справедливости и мудрости! Да услышит Бог мои пожелания!

Юрий Всеволодович с достоинством кивнул и тоже выпил вина. Затем заговорил:

– Пытаешь меня, как быть, воин? А отец твоей зазнобушки-любушки, Поляба Удалой, придумал, как быть.

Богуслав встрепенулся.

– И как же?

– Биться вам с Эриком на кулаках велено. Кто выигрывает, тот и получить Дарину в жены!

Витязь заулыбался.

– Отменно придумано воеводою. Так тому и быть! Отвоюю я всяко разню Дарёну у норманна – али я тогда не Богуслав!

– Не бахвались раньше времени, витязь. Шкуру медведя делят опосля

как его убьют – не ранее. Этот варяг сильный воин. С ним тебе придется повозиться.

– Да, варяг сильный, но я лучше его... Ох, и крепко, княже, у тебя вино заморское – аж голова закружилась.

Князь по-доброму улыбнулся.

– Попробуй еще и меда хмельного. Ключник у меня добрый да медовар тоже. Ешь, пей, за мое здоровье, мой верный ратник. Теперь ты должен упокоение найти своим думам о Дарине. Все, слава богу, решилось за тебя. Так что готовься к драке с норманном. И останься покамест со мной, побеседуем чуток.

– Воля твоя, княже, отчего не побеседовать, – согласился Богуслав.

Поляба Удалой грозно сдвинул брови и сердито толкнул толстую дубовую дверь в опочивальню дочери...

Дарина сидела на кресле и смотрелась в зеркальце, а служанки расчесывали ее роскошные белокурые волосы и что-то напевали.

– А ну пошли прочь! – прикрикнул на служанок воевода. – Я с дочерью говорить буду!

Холопки испуганно замолкли, побросали гребни и упорхнули из комнаты быстрее самых шустрых воробушек. Воевода плотнее прикрыл дверь в опочивальню. Наступила тягостная тишина...

Улыбка моментально сошла с лица Дарины, она опустила глаза в тесовый пол и замолчала: она ждала гневных тирад отца. Но воевода медлил.

Пауза затягивалась и это гнетуще действовала на девушку. Дарина искоса посматривала на отца и гадала: отчего он молчит, отчего не ругает?

Приготовил ей нечто иное, чем отцовская хула? Так что же?!

Дарина уже хотела сама начать разговор, как вдруг Поляба Удалой наконец-то нарушил молчание:

– Скоро под венец пойдешь, дочь моя. Пришла и для тебя желанная пора.

– Да как-то уж больно скоро, батюшка, – вздрогнула от неожиданности Дарина. – И за кого же мне идти-то? Я сама не ведаю за кого хочу. Не выбрала я себе доколе жениха...

– А я выбрал! – сердито прервал дочь воевода. – И тем паче ведаю за кого!

– Да за кого же?

– Либо пойдешь за Богуслава, либо за Эрика.

Дарина вскинула удивленные глаза на отца.

– Да как же такое может быть, батюшка?

Поляба раздраженно пояснил:

– Биться они будут на кулаках за тебя, вертячку. Кто одолеет – тот твой жених. Так князь решил.

– Князь?.. Что за диво! А ежели Эрик победит на поле, а не Богуслав?

– Так и что из оного?! Не пойдешь за норманна разве?! – повысил голос воевода и насупился.

– Нет! – твердо и решительно ответила девушка. – Тогда я либо жизни себя лишу, либо в монастырь уйду – но варягу не достанусь! Не мил мне Эрик, мне Богуслав люб!

Поняв, что проговорила, Дарина пришла в великое смущение сильно

покраснела и отвернулась от отца.

– Замолчи, негодница! – сердито заговорил Поляба. – Не вертелась бы подле княжеских дружинников – свары бы между ними не было! А то стреляешь глазками по сторонам, с толку ратников только сбиваешь!
– Да разве я виноватая в том, батюшка, что краса моя привлекает достойных мужей! Они сами меня донимают – спасу от них просто нет!
– Донимают, не донимают! Ежели в кулачном бою одолеет норманн, пойдешь за него, как миленькая! Доколе я твой отец, будешь воле моей беспрекословно подчиняться! Ясно?! И не перечь мне более! – повелительно сказал воевода.

Слезы брызнули из глаз Дарины, и она, прикрыв лицо руками, горько заплакала. Поляба сразу поумерил свой пыл: рыдания дочери болью отзывались в отцовском душе. И тогда уже боярин сказал своей дочке спокойно и печально:

– Эхма, да я, Дарёна, и сам-то против норманна, но воля князя для меня – закон! А коли мы с великим князем не разрешим спор между Богуславом и Эриком, то одна дружина побьет другую – разве то дело? Негоже им браниться. Вот так... А более, дочь моя, не вымолвлю ни слова. Будет так, как сказал благоверный Юрий Всеволодович. И я ему не поперечу. А слезами горю не поможешь.

Воевода вышел. Сердце его разрывалось от жалости к дочке, но что он мог сделать – все было уже решено. Князьи дела выше всех других дел, а вассал должен подчиняться главному вотчиннику, уважать его, охранять и биться за него, на том и стоит Русь.

Когда Богуслав возвращался от князя, то столкнулся с дочерью боярина Омели – Веленой. Эта девушка не уступала Дарине ни в родовитости, ни в молодости, ни в красоте. Она была стройна, изящна, величава как пава. Только в отличие от белокурой, белолицей и синеглазой Дарины дочка Омели была смуглой чернобровый, черноволосой, и имела зеленые глаза. Девушка тоже любила витязя, но страсть ее оставалась без ответа: ведь мысли и сердце богатыря были заняты Дариной, что немало огорчало Велену.

– Богуслав, я рада тебя видеть! – просияла боярышня.

Богатырь слез с коня, дружелюбно улыбнулся.

– Я тоже тебя рад приветствовать.

Она схватила его за руку.

– Я сегодня испугалась до смерти...

– А что такое? – насторожился богатырь.

– Ты дрался с этим викингом Эриком?

– Да было дело... Но а ты откуда узнала?

– Сорока на хвосте принесла, – игриво улыбнулась Велена.

Богуслав глубоко вздохнул.

– Да, быстро народ слухи распускает... Скажешь курице, а она – и всей улице.

– Ты у нас весьма заметный, Богуслав, кто тебя в нашем княжестве не знает? Да и в других землях? Сделаешь шаг – и о тебе сразу молвит народ. Другой сделаешь – целые истории сочиняют. Именит ты да славен. Всякая девка, будь она из княжеского сословия али боярского, али купеческого по

тебе сохнет и кручиниться.

– Ох, уж эта слава да именитость, прохожу от нее мне нету.

– Говорят, ты дрался из-за дочки Полябы Удалого?

– Возможно, – уклончиво ответил витязь. – А тебе оное важно?

– Важно, – вмиг погрузнела девица. – Ты же знаешь как ты мне люб.

Богуслав смутился.

– Полно, Велена, я другую привечаю.

– Дарину? А чем он лучше меня? Я тоже пригожа, стройна нежна. Мое тело красиво, ухоженно и тоже жаждет твоей ласки. И за мной тоже бегают множество обожателей, дарят дорогие подарки и зовут замуж.

Богуслав отвел глаза.

– Хватит, Велена. Я не спорю, ты красива и мила. Но я же молвил, что люблю другую. И не судьба нам быть вместе, прости.

– Что же, Богуслав, люби свою Дарину, я не возбраняю, но не отвергай меня. Я желаю встретиться с тобой. Там у городских ворот есть наша лавка, что торгует лентами да гребнями. У меня от нее есть ключ. Завтра после полудня она будет закрыта. Но я буду ждать тебя внутри и по третьему твоему стуку впусу.

– Велена!

– Повторяю: по третьему стуку. И ожидать буду до трех часов дня. Я буду совершенно одна. Ты получишь то, что покамест не получаешь от своей Дарины и не скоро еще получишь и то после венчания. О, Вседержитель, прости мне этот грех!

Богуслав смутился.

– Что за речи, Велена! Полно! Разве ты не дорожишь своей честью? Ты еще встретишь достойного нареченного!

– Мне больше никто не нужен, кроме тебя. И ради тебя я готова пойти на все, даже ежели своими проступками прогневолю Бога и своего батюшку. А честь я берегу только для тебя и никого иного к себе никогда не попусу, поверь.

– Велена! Прекрати! – не выдержал девичьего натиска богатырь и, вскочив на коня, тронул поводья. – Прощай!

– Приходи я буду ждать! – не отступала боярышня.

– Я не приду! – на скаку прокричал Богуслав.

– Я буду ждать! – упрямо повторила Велена, а затем про себя вполголоса сказала. – Дарина, будь ты проклята, змея подколодная! На чужого молодца позарилась? Кабы тебе не пришлось после об этом горько пожалеть.

Придя домой, боярышня долго глядела в зеркальце и при этом возмущенно приговаривала:

– Ну чем я хуже этой гордячки Дарины? Чем? Каким боком она ему приглянулась?

А служанка Варвара ее утешала:

– Да ничем ты ее не хуже, госпожа, а даже в сто раз лучше! Ты красива, стройна, умна! Не соперница она тебе, не соперница.

– Из твоих уст, да Богу бы в уши, Варвара. Ведь что-то в ней есть, раз Богуслав по ней вздыхает.

– Ничего в ней такого нет, худа, болезненна. А чего хорошего, когда в девице кости одни? Да ни одному нормальному мужику такое

не нравится. На досках-то то он и в гробу полежит. Я думаю вот что...

– ?

– ...Просто-напросто уплатила Дарина какой-нибудь колдунье за приворот, вот и Богуслав возле твоей соперницы как привязанный бычок ходит! Пелена на очах, а на сердце заговорная сеть легла – посильнее любых оков будет. Дарина этой цепью играет, а Богуслав мается.

Велена встрепенулась.

– А то и верно! Ни красой она его привлекла, а просто приворожила.

Вот он круги возле нее наматывает, словно кот вокруг сметаны вертится.

– Совет тебе, госпожа, хороший...

– Что за совет, говори.

– Сходи тоже к любой знахарке – пусть она отворот от Дарины даст. А после и приворот от твоего имени сделает к Богуславу. К тебе тогда твой суженый прибежит. Как миленький прибежит.

Велена покачала головой.

– Нет, негоже это делать... Не по-христиански. Я желаю, дабы он меня сам полюбил. То будет любовь настоящая, сильная и на все века. Такую любовь пламенную да верную мне надобно, а не заговорную, временную. Настоящую любовь ни одним заговором не возьмешь.

– Тогда долго тебе, госпожа, ждать еще придется, доколе он влюбится в тебя. Так и молодость пройдет.

– Ничего, подожду... Все равно он будет моим. За то буду истово Всевышнего молить, пусть даст мне Богуслава в мужа, – упрямо сверкнула глазами Велена, а служанка лишь с сомнением покачала головой и сказала:

– Дай бог, дай бог, ежели так получится....

И Варвара перекрестилась.

– На все господня воля, – смиренно вздохнула Велена. – Все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом. Эх...

Левый берег Клязьмы.

Легкий морозец покалывал щеки. Солнце светило ярко, но не грело. А кругом царила праздничная атмосфера. Великий князь Юрий Всеволодович решил потешить свой народ отменным зрелищем – кулачным боем. Внизу, на толстом речном льду, была оцеплена площадка с четырех сторон цепями с гранитными трапециевидными камнями. В длину – пятьдесят сажень, в ширину – тридцать. По периметру площадки топталась многочисленная стража с копьями, луками и короткими мечами. За оградой по центру был сооружен помост для князя и его приближенных. Под навесом из красного шелкового бархата возвышается княжеский трон... На нем восседал сам Юрий Всеволодович, закутанный в соболиную шубу. Под ногами его – персидский ковер, а синие с мехом сапожки князя укутаны медвежьей шкурой. Возле Юрия Всеволодовича расположилась стража с топорами, жена, сыновья, невестки, внуки, родственники. Чуть поодаль, по левую руку от великого князя – чернобровый чернобородый Омеля, его дочь Велена, по правую руку – Поляба Удалой, Дарина и другие княжеские воеводы – Петр Ослядукович, Дорож. За ними – посадники, бояре, князья, их супруги, тысяцкие и лучшие дружинники. А за знатью и по все четыре стороны за цепями и охраной – многотысячный народ. Всех сословий и возрастов.

Великий князь Юрий Всеволодович пребывал в прекрасном расположении духа: ссора между двумя его лучшими дружинниками разрешиться хотя и по-боевому, но без оружия. Значит, оба поединщика останутся в живых, и таким образом возглавляемые ими отряда не передерутся между собой. Ведь дружина – это оплот князя и гроза всех его врагов. Поэтому он ее и бережет. И нельзя чтобы между его воинами была вражда. А если случаются свары, то лучше их улаживать так, как сегодня – на кулачном ристалище.

Основная дружина Юрия Всеволодовича, или как еще ее называли "старейшая", "лепшая", "передняя", составляла более четырехста человек. Первый отряд, как уже известно, возглавлял Богуслав, второй – Эрик. В норманнской дружине служили представители многих племен Скандии – шведы, норвежцы, данны, финны, исландцы и фарерцы – "люди с овечьих островов". Лучшими бойцами Эрика считались берсерки Сигригур, Бьорн и Эйнар. Вооружены они были по-варяжски: копьё длиной около сто пятьдесят сантиметров (таким копьём можно было и колоть, и рубить), скандинавскими секиры, отличавшиеся от русских широким, симметрично расходящимся лезвием и скандинавские обоюдоострые мечи, верхнюю треть которых викинги оттачивали очень остро, а нижние две трети слабо или вообще не затачивали.

Третий отряд численностью в сто человек, куда входили русичи, волжские булгары, поляки и венгры возглавлял чешский витязь Креслав. Четвертый отряд, состоящий из тюрков и русичей, возглавлял Градимир. Предводителем пятого отряда, состоявший из одних только русских, был неустрасимый и длинноволосый Военаг.

Отношения дружины к князю строилось на добровольном согласии. Вступление в дружину и выход из неё были для воина свободны: недовольный князем дружинник всегда мог покинуть его и перейти к другому хозяину. Вот почему Юрий Всеволодович старался всеми силами удержать возле себя предводителей лепших дружин. Раздавал им земельные надель, иногда вместе со смердами; одаривал дорогими подарками, деньгами, оружием; сыто кормил, поил, делился частью военной добычи и данью – лишь бы верные ратники поддерживали его в борьбе с удельными князьями и иноземными врагами и ни в коем случае не переметнулись на их сторону.

... Дарина сидела в кресле на помосте с пунцовыми щеками.

Покраснели они не только от мороза, но и от великого смущения. А как же – она сегодня в центре событий! Белым пуховым платком боярышня старательно прикрывала нижнюю часть лица в попытке скрыть свою красоту от слишком откровенных и любопытных взглядов многочисленных зевак.

Все глазели на нее, кивали в ее сторону и указывали пальцами. Весь Владимир знал, что за Дарину, дочь воеводы Полябы Удалого, сегодня будут драться два самых сильных и ловких дружинника Юрия Всеволодовича. И всем, от простого смерда до сановитого вельможи, хотелось хоть одним глазком, хоть краешком глаза, увидеть, что это за дива? И чем она особо пригожа и интересна – раз полюбилась таким великим войнам как Богуслав и Эрик.

Дарина от столь повышенного внимания горожан испытывала большое нервное напряжение. А мысль о том, что она – причина сегодняшнего

поединка и заодно народного праздника, заставляло ее пламенеть еще больше. От непроходящего стыда и большого волнения девушке хотелось провалиться сквозь подмости, прямо под лед, или скрыться в своей светлице, закрывшись на сто замков и засовов. Но переживания за жизнь любимого и итог боя не давали Дарине сойти с места. И она сидела в кресле будто пригвожденная.

А отец ее, напротив, выглядел невозмутимым. Но это была показная видимость. Внутри Полябы kloкотала неимоверная радость и в то же время великая гордость за свою дочку. Не каждый отец может похвастаться тем, что ее дочь является самой красивой во Владимиро-Суздальском Руси и тем, что ради нее бьются самые славные витязи великого князя и устраивается такое грандиозное празднество как сегодня.

Еще одним заинтересованным зрителем среди пестрой толпы была Велена. Она уже прослышала, за кого будут биться ее кумир Богуслав и норманнский воин Эрик, и естественно жаждала победы викинга.

Народ, что собрался на ледовом ристалище, был весьма весел, оживлен и нарядно одет. Даже последние смерды надели свои лучшие шапки и армяки – лишь бы выглядеть достойно. А что говорит о князьях, купцах, вельможах и их женах? Они все "блистали" в дорогих одеждах, мехах, золоте и дорогих украшениях. Каждый из толпы хотел покрасоваться и удивить людей.

В то время развлечений для народа было мало. Либо это казнь преступника на лобном месте, либо ярмарки, либо кулачные бои.

Бойка на кулаках – вот это было зрелище! Во-первых, всегда проходило чрезвычайно интересно и захватывающе. Во-вторых, не каждый день случалось! А в-третьих, нечасто устройтелем таких поединков являлся сам великий князь Юрий Всеволодович!

... Народ в предвкушении боев шумел. Повсюду слышались шутки и прибаутки от зевак. Они выкрикивали их из толпы:

– Кулачный бой – душе разгул!

– Не силой бьются, а сноровкой!

– Лежачего не бьют!

– На добром морозце друг другу бока погреть, да носы поддурманить!

... Сначала стенка на стенку дрались мальчишки. После них на лед вышли неженатые юноши, а завершали бойку уже взрослые.

Задача каждой стороны состояла в том, чтобы обратить противника в бегство или хотя бы заставить отступить. Команда, проигравшая "ледовое поле" считалась побежденной. У каждой "стенки" был свой руководитель – "вожак" или "атаман", который и определял стратегию и тактику схватки и воодушевлял товарищей на кулачные подвиги.

Одну команду возглавлял Креслав. В нее входило человек сто: его дружинники, ремесленники и крестьяне. Вторым бойцовским отрядом с таким же количеством людей заправлял лучший воин Богуслава – высокий и кареглазый Ярема Медведь.

Противоборствующие стороны выстроились напротив друг друга в линию, состоящую из нескольких плотных рядов. Стеношное построение сильно напоминало построение русской рати.

Ярема расставил бойцов по своему усмотрению, и принялся наставлять свой народ:

– Смотрите, братья, дабы без озорства у меня на бойке было! Нам на

сей час без всякой надобности, ежели кто-то из нас будет выяснять старые обиды со своим соседом али обидчиком или с каким супротивником неведомым на забаву девицам да закладчикам будите силой меряться! Негоже то чинить нам! И зело вредно для отряда! Нам надобно, дабы мы были все вместе заодно, дружно, как говорили наши деды "широким плечом"! И действовать, как я указал! Не отступать от моего приказа ни на йоту, ни на малость! Коли все в схватке свершим правильно и дружно – то быть нам победителями на князьменском льду! Примените с пользой свое мужество, удаль, силушку и умения! Только прошу вас, братья, ради Христа, не опозорьте меня пред великим князем и мои вождем – Богуславом! Да и сами не опозорьтесь!

– Не опозоримся, атаман, – дружно и воинственно загудели мужики и воины. – Ты за нас не беспокойся. Будем стоять широким плечом! Не отступим назад!

– Вот и славно, братья мои! – повеселел Ярема. – Готовьтесь к битве! И вот дали команду сходиться...

Раздались боевые кличи, понесся русский мат, и "стенки", как две горные шумящие реки, устремились навстречу друг другу! Они сшиблись с такой страшной силой, что зрители аж взвыли от удовольствия! Самые лучшие бойцы Креслава – их называли "надежды" – располагались впереди стенки и служили мощным своеобразным тараном. Они сразу попытались разорвать строй противника, вырывая оттуда соперников и бросая их на лед или сшибая с ног могучими ударами. Полилась кровь, захрустели разбитые зубы, полетели сбитые шапки.

В отличие от чешского витязя Ярема применил специальную тактику. Его самые сильные бойцы стояли в середине. Под натиском "стенки" Креслава "стенка" Яремы разошлась по центру, впуская внутрь всю "надежду" чешского вожака, где их уже поджидали опытные мастера. И сразу отряд лучшего дружинника Богуслава сомкнул свои ряды, не давая проход стенке противника. Воины Яремы "хорошенько" и от души встретили бойцов Креслава. Те полетели сбитые на лед и в какой-то момент дрогнули... Как только лучшие силы чеха были побиты и морально сломлены, вся стенка Яремы усилила натиск и начала оттеснять противников с его "поля". И хотя самые надежные бойцы Креслава пару раз перестраивались, перегруппировались и мужественно и отчаянно бились, пытаясь вернуть инициативу в свои руки, но из этой затеи у них ничего не получилось. Спустя полчаса отряд Яремы одержал полную победу и схватку остановили. Народ поприветствовал победителей и побежденных, и бойцы стали расходиться. Некоторых драчунов утаскивали с поля боя в бессознательном состоянии, других – вели под руки. Кто-то из мастеров кулачного боя ковылял сам до своих друзей.

Холопы скребками прочистили лед от крови, подобрали выбитые зубы и потерянные шапки и рукавицы – и поле битвы снова было готово для новых схваток!

Тогда княжеский глашатай вышел на середину ристалища и провозгласил:

– Эй, ты, гой еси, честной народ, слушай, что я скажу! Да на лед наш князьменский, да на наш боевой, выходят лепшие бойцы кулачного боя русского! Да то будут предводители дружин великого князя нашего Юрия

Всеволодовича – славный Богуслав и славный Эрик. Они-то и решат меж собою спор кто из них сильнее! Победитель получает вознаграждение от самого великого князя – драгоценный перстень да земляной надел, а также руку и сердце дочери боярина и воеводы нашего славного Полябы Удалого – Дарины!..

Толпа восторженно взревела. Из толпы дружинников появились Эрик и Богуслав.

Противники, подбоченясь, принялись расхаживать по льду, с ненавистью и презрением смотря друг на друга. Еще до начала боя каждый хотел вывести соперника из равновесия – так сказать одержать маленькую моральную победу над визави и посеять неуверенность в его душе. Но Богуслав, как и Эрик, имел стальные нервы и выдержку, поэтому такое психологическое давление для него было нипочем.

На обоих бойцах были долгополые шубы. Рыжая, лисья – на Эрике, темно-серая, беличья – на Богуславе. Шапки у них тоже были разные: на Богуславе – красная круглая, отороченная горностаевым мехом, на Эрике – с черная остроконечная, с рыжим лисьим мехом и хвостом.

Под шубой у Богуслава – короткий красный кафтан с двумя рядами тесно расположенных друг к другу шелковых золототканых орнаментированных нашивок – по двадцать четыре с каждой стороны от застежки. Ряд нашивок на правой поле заканчивались закрепленными на шнурках бронзовыми пуговками, а левый ряд – петельками. Все пуговицы имели гладкую поверхность, за исключением верхней – рубчатой. Еще Богуслав имел серо-черные шаровары и специальные для боя красные меховые сапоги с подковками в виде обувных шипов, получивших в народе названия "ледоходных".

По обычаю перед тем, как вступить в схватку, кулачные бойцы обнимались и трижды целовались, показывая тем, что никакой личной вражды между ними нет. Но Эрик и Богуслав демонстративно проигнорировали эту традицию: слишком непримиримыми противниками они были друг для друга. Поединчики скинули шубы, натянули на руки боевые рукавицы и поклонились князю, затем отвесили поклоны на все четыре стороны – то есть всем зрителям.

Богуслав обратился с просьбой к Юрию Всеволодовичу:

– Мой княже, разреши покорнейше биться не до первой крови, что согласно нашим обычаям, а даже и после первой крови. Покамест противник не сможет продолжать бой. Так будет зело интереснее для честного народа.

– И я о том же прошу, великий князь, – поддержал противника Эрик. – Тогда мы потешим владимирцев хорошей дракой.

Князь поднял вверх правую руку в синей узорчатой перчатке, подшитой мехом горностаея, и повелительно произнес:

– Быть тому, мои верные дружинники! Но ниже пояса нельзя бить! И лежачего тоже не бить! Со спины не атаковать! По кадыку не ударять! По срамному месту – тоже! Тяжести в рукавицы не прятать! Лежа на льду не драться! За одежду не хватать! Товарищей беречь! Остальное – все можно!..

Ну, молодцы мои, позабавьте меня, великого князя и народ зело отменной бойкой! Да поможет в этом вам Господь! Аминь!

Глашатай продолжил:

– О, вы, гой еси, добры молодцы, Богуслав и Эрик, зачинайте кулачную

сшибку! Разрешается великим князем! И покажите свою удаль молодецкую! Соперники в знак согласия с правилами поединка снова поклонились в пояс князю и разошлись в разные концы на пять сажень. Затем противники начали осторожно сходитья... а когда они сблизились на расстояние удара, то стремительно закружили вокруг друг друга. Каждый выжидал удобный момент для того, чтобы нанести своему недругу сокрушительный удар или серию ударов и тем самым досрочно завершить поединок.

Эрик и Богуслав вели бой в левосторонней стойке: левая рука и нога выдвигалась в сторону противника, а правый кулак был приподнят, но не выше головы, и находился примерно на уровне правого плеча. Левый кулак прикрывал жизненно важное солнечное сплетение и отрывался от него только для проведения удара или блокирования кулака противника.

Оба воина хитрили и не теряли выдержки. Они использовали разные способы защиты: уклоны, раскачивания, шаг, отскок в сторону или назад, нырки, подставки предплечья правой и левой руки. В схватке применялись различного рода финты в виде ложных замахов и отвлекающих ударов рукой перед решительным ударом другой. Никто не мог одолеть своего соперника. Время поединка шло, а развязка все еще не наступала. Народ неодобрительно загудел и стал призывать бойцов к более решительным действиям.

Бойцы заметно активизировались...

И вот Эрик исхитрился и нанес левый боковой удар! Богуслав зажал отворот кафтана и прикрыл голову, тем самым смягчив мощный выпад соперника. В этот же момент Богуслав с левой попал в солнечное сплетение противнику. Эрик согнулся от боли, но быстро отдышался, и сказал, что может продолжать бой. Викинг еще пуще разозлился на Богуслава. Еще бы! Этот русич унизил его перед великим князем и всем честным народом!

Норманн снова изловчился и поймал русского витязя на атаке.

Встречный удар с правой руки потряс Богуслава. Витязя повело в бок, но вовремя коснулся рукой льда и опустился на одно колено. Это и затормозило его падение. Богуслав пришел в себя, тряхнул головой и с трудом поднялся...

Эрик уже предвкушал свою победу. Богуслав в полусознательном состоянии. Сейчас еще один верный удар – и соперника распластает на льду.

Поляба от расстройства опустил голову, Дарина в ужасе закрыло лицо руками, а Юрий Всеволодович недовольно нахмурился. Лишь Велена не скрывала своей радости от падения Богуслава, и счастливая улыбка ни на секунду не покидала ее привлекательного и раздумянного от морозца лица. Она с большим нетерпением ожидала вполне предсказуемую и благополучную для нее развязку боя.

А народ принялся восхищенно обсуждать перипетии поединка:

– Равны бойцы, язви их!

– Под дых попал, Богуслав! В самую душу! Ай, да молодец!

– С крыла ударил Эрик! Ловок чертов норманн!

– Надо стараться попасть в голову или под микитки! Тогда пойдет дело!.. А они?..

– Равны по силе поединщики, разве не видно?! Потому и не могут одолеть друг дружку!..

Схватка возобновилась, и бойцы снова закружились в боевом танце.

Эрик все метил противнику в висок. Дело в том, что норманн не ставил

перед собой цель поколотить русича, он намеревался его просто убить, а потом сослаться на трагическую случайность, авось князь его простит. Вот викинг в который раз попытался мощным боковым попасть Богуславу в область виска, но витязю снова удалось увернуться. Правда, через пару секунд Эрик все-таки угодил кулаком попал в голову русичу, но, слава богу, не в то место, куда метил. Богуслав лишь издевательски рассмеялся:

– Слабый удар, норманн! Я могу продолжать бой! А, теперь, берегись! Прежде пришел мой черед! Изведай мою силу богатырскую, варяжский выскочка!..

Богуслав собрался с силой и с духом и принялся выискивать момент, чтобы нанести точный и меткий удар. Эрик уже не был так свеж и бодр как прежде, ведь в основном он атаковал, потратил много сил и энергии и немного выдохся. Это было на руку Богуславу. Теперь пришла его пора наступать.

И вот Богуслав сделал шаг вправо, чуть подсел, прикрыл левой рукой голову... и нанес размашистый боковой удар с правой. И прямо в квадратный подбородок викинга! Этот удар десницей основательно потряс Эрика.

Викинга сразу повело в сторону, ноги его заплелись, и он рухнул на лед, чуть не разбив голову... И больше не двигался. Он был без сознания.

Богуслав поцеловал нательный крест, торжествуя вскинул руки вверх и прокричал:

– Я победил! Теперь моя Дарина! Да светится твое имя, Господь, во веки веков! Аминь! Слава великому князю Юрию Всеволодовичу! Слава всему владимирскому и суздальскому народу! Хвала всем тем, кто радел за меня! О, всевышний какой счастливый день ты для меня устроил! Еще раз тебе хвала!

Народ возрадовался победе русича над норманном.

– Слава Богуславу! Слава богатырю! – заорали те, кто переживал за витязя.

– Не оскудеет земля русская славными бойцами!

– Слава нашему великому князю Юрию Всеволодовичу за чудесный праздник!

– Слава князю и его дружинникам!

– Хвала Богуславу!..

Князь был доволен итогом боя, доволен был и Поляба Удалой, не говоря конечно о Дарине. Она уже не куталась в шаль и не скрывала своей красоты перед владимировцами. Она счастливо улыбалась, поглядывая в сторону возлюбленного. Только дружинники Эрика и его сторонники не радовались, а хмуро и зло глядели на ликующего Богуслава. Была разочарована исходом кулачного боя и Велена. Она недобро взглянула на Дарину и пошла со служанкой и отцом к своим саням.

Эйнар и Бьорн оттащили вождя за ограждение. Натерли лицо снегом, привели в чувства, погрузили в сани, укрыли лисьей шубой и быстро увезли от назойливых глаз и позора.

Народ, оживленно обсуждая перипетии центрального боя, стал расходиться.

Вечером того же дня в роскошный терем Полябы Удалого пришел Богуслав.

Жилище будущего тестя состояло из трех этажей и как положено для состоятельных людей, было сколочено не из сосновых, а из дубовых бревен. Признаком достатка воеводы считались также слюдяные окна, наличие в доме печи с дымоходом и развешанные на стенах иноземные ковры и оружие.

– Будь здрав, боярин! – поприветствовал с порога Полябу витязь.

Воевода погладил свою бороду и степенно ответил:

– Здрав и ты будь, богатырь! Почто пришел на мой двор? За какой-токой надобностью? Похвастать своими нынешними подвигами али?..

– Пришел к тебе в гости, да заодно Дарину повидать.

– А вернее будет сказать, прежде Дарину повидать и заодно со мной поговорить, – хитро улыбнулся воевода. – Знаю я вас лукавцев. Нас стариков не проведешь, за версту чуем ваши хитрости да уловки.

Богуслав улыбнулся.

– Не без того, боярин, не взыщи... Сам ведаешь, как я твою дочку люблю. Оттого за нее и бился сегодня не жалея сил.

– Конечно, ведаю, не без того...

Будущие родственники трижды расцеловались и сели за стол. Воевода позвал ключницу. Та примчалась тотчас.

– Эй, матушка-кормилица, мечи на стол все что есть, гость у нас нынче дорогой, – потребовал от нее Поляба. – Да кваса хмельного, шипучего и холодного, что на изюме заморском настоящий, из погребов принеси. Добрый и ядреный он у тебя нынче получился – в голову так и шибает! Покрепче заморского вина будет наверное.

– Бегу, бегу, мой господин! – засуетилась ключница и стала подгонять слуг.

Вскоре на стол поставили различные кушанья и кувшины с медовухой и квасом.

Поляба дружески похлопал Богуслава по плечу.

– Зело рад, что ты норманна на бойке побил, я за тебя зело радел. А как же. Ты мне по душе пришелся уже давно. И для Дарины лучший муж – знамо, это ты, а не викинг. К тому же язычник он.

– Похвала мне твоя приятна, Поляба. А что скажет Дарина? Вдруг я ей не мил?

– Как не мил! Люб ты ей, зело люб! Она уже готовится косы расплетать, все о свадьбе с ключницей и со своими служанками щебечет. Расцвела как дивный цветок. Жаль, что мать не дожидала до этой счастливой поры, порадовалась бы за нее.

Будущие родственники выпили, потрапезничали и заодно обсудили будущую помолвку. Затем Поляба стал позевывать. Наконец он обратился к витязю:

– Послушай, Богуслав... Служанка Агафья, что с искосиной на правое око, отведет тебя к Дарине. Поворкуйте голубки друг с дружкой, да не долго. Всего-навсего полчаса. А потом пора и честь тебе знать, витязь. А я спать пойду. От кваса сонливость появилась. Бывай, Богуслав.

– Прощай, тещюшка! Всех благ, да и покойной тебе ночи!

– Будь и ты цел и невредим, зятёк!

Воевода и ратник снова расцеловались. Поляба удалился в свои покои.

Косоглазая холопка проводила Богуслава на третий этаж, где была

опочивальня Дарины.

Девушка ждала его с нетерпением. Видимо служанки уже давно доложили о прибытии суженого к ее батюшке.

– Дара! Родимая! – воскликнул обрадованный Богуслав. – Как я ждал этой встречи!

– И я... – только и сказала Дарина.

Богуслав взял любимую за руки и привлек к себе. Боярышня не противилась. Она охотно прижалась к широкой богатырской груди бархатной и нежной щечкой, ласково обняв суженого за талию. Богуслав стал гладить по ее роскошным волосам и приговаривать:

– Как я ждал этого момента, Даринушка! Все во сне видел: что приду к тебе в светлицу, обниму...

– ...И я ждала.

– И расцелую...

– ...Но... – у боярышни порозовели щеки. – Как можно?

Богуслав вкрадчиво сказал:

– А отчего не можно, любушка моя, все наше Владимиро-Суздальское княжество знает, что ты моя будущая жена. Отчего не можно, скажи?

– Но...

– Один поцелуй лишь прошу от тебя, краса моя. Всего лишь один-единственный.

– Однако, не дозволено до венчания, – продолжала робко сопротивляться Дарина, между тем краснея от удовольствия. – Батюшка узнает, разгневется.

Но Богуслав не уступал.

– Да кто узнает? Мы здесь одни. А батюшка твой ушел почивать до утра. Служанки у себя в комнате... Кто будет ведать про это?.. Краса моя, любимая, я прошу всего один поцелуй – не более.

– Нет, нет, и не проси, – продолжала колебаться девушка.

– Всего один, – настаивал Богуслав. – Дара, позволь?

– Нет, мой милый... – с трудом вымолвила девушка.

Девичья оборона трещала по швам. Дарине все труднее и труднее было сопротивляться напору любимого. Ее силы таяли с каждым мгновением. Тем более, сгорая от большой страсти, она сама хотела слиться в поцелуе с Богуславом. И вот после очередной просьбы Дарина сдалась.

– Хорошо, но только один, – согласилась девушка и, подняв голову, преданно и с любовью взглянула своими лазоревыми глазками в очи богатыря.

Сначала от Богуслава последовал нежный и легкий поцелуй – Дарина на секунду замлела... После этого легкое лобзание сменило более страстное. Мурашки побежали по девичьей спине. Дарина задрожала от вожделения – и ее тут же бросило в жар! Боярышня уже сама потянулась губами к губам суженого... Их уста сомкнулись, и последовал длительный и горячий поцелуй... Затем еще один и еще... Влюбленные миловались самозабвенно и долго. Они очнулись лишь тогда, когда за дверью кто-то нарочито закашлял.

Дарина резко отпрянула от Богуслава. Щеки ее рдели как алые маки.

– Время, отведенное батюшкой нам, вышло, – объяснила она. – То служанка стучит, нам напоминает.

Богуслав тяжело вздохнул:

– А я не заметил, как время пролетело. Полчаса будто как один миг.
– И того довольно нам. Завтра мы можем снова увидеться. Придешь?
– Конечно, увидимся, любушка моя. Свадьбу нашу обговорим непременно... И сызнова помилуемся...
– Непременно, обговорим...

Дарина на миг задумалась, помялась, а потом, пристально взглянув в глаза Богуславу, решилась спросить:

– А правду люди говорят, что дочка Омели в тебя влюблена и проходу не дает?

Богатырь растерялся.

– Да кто тебе это наговорил?

– Агафья видела, как ты с ней любезничал, – ревнивые нотки прозвучали в голосе боярышни.

– Косая, а все зрит, проклятушая, – вознегодовал Богуслав. – Лучше бы она в тереме прибиралась да пряжу пряла да щи варила, а то по улицам бродит и сплетни собирает! Как любопытная синица!..

Услышав в свой адрес нелюбезные слова, служанка Агафья резко перестала кашлять за дверью и от греха подальше поспешно удалилась, а Богуслав продолжил:

– Да что я виноват разве, что другие девицы на меня смотрят. Нужна мне эта Велена, сроду бы ее не видел! Мне нужна только ты Дарина, одна ты мне любя, больше – никто!

– Неужто? – смягчилась девушка.

– Богом клянусь! Люблю тебя, милая, больше всех на свете! За тебя и жизни не жалко отдать!

– Богуслав, прости, – только и могла вымолвить Дарина и, расчувствовавшись, бросилась к нему на шею.

Они снова принялись самозабвенно целоваться...

Спустя минут десять к двери снова подкралась Агафья и, нарочито и громко кашлянув несколько раз, вновь умчалась восвояси.

– Пора, Богуслав, – преданно посмотрела в глаза витязя боярышня. – А то... как бы батюшка не спустился из своей опочивальни. Тогда всем нам попадет. И мне, и Агафье, и тебе.

Богуслав согласно кивнул.

– Тогда прощай, Даринушка! Увидимся, непременно увидимся!

– Конечно, милый! Прощай!..

Богуслав откланялся, а Дарина, невероятно умиротворенная и счастливая, села у узорчатого окошка. На девичьих щеках и губах горели жгучие поцелуи богатыря – но до чего они были приятны! А тело помнило нежные и ласковые прикосновения витязя. И они тоже навивали приятные мысли и ощущения на боярышню. Богуслав был первым ее мужчиной, который по-настоящему целовал и ласкал ее. Теперь Дарина будет его еще сильнее любить и лелеять. Он же – первый! Отныне и на все времена! И как же он отныне ей люб – просто сил нет! И если они не поженятся – то, ей богу, она утопится в Клязьме!

К боярышне пришла белая с черными пятнами кошка Мурёна.

Потерлась об ноги. Дарина взяла ее на руки и стала гладить – кошка замурлыкала. И девушка сразу размечталась... Когда-нибудь она вместо домашнего питомца будет держать на руках сына или дочку, рожденных от

Богуслава. Хорошо чтобы это было так... Но пока не стоит загадывать наперед. Сначала сватовство, потом венчание, а затем и... рождение детей. Всеу свое время.

Ярема Медведь тряхнул за плечо спящего богатырским сном своего вождя.

– Эй, проснись, Богуслав, к великому князю кличут! Предводителей отрядов и всех и бояр и князей собирают. Что-то важное случилось. Кажется, великая война начинается с нечестивыми монголами.

– Война?.. – встревожено переспросил витязь, сонно хлопая глазами. – Какая война?..

Дремоту богатыря как рукой сняло. Он соскочил с полати, накиннул на себя беличий охабень, шапку, нацепил меч.

– Лошади готовы? – спросил он у Яремы.

– Готовы. Вон уже стоят у крыльца копытами стучат от нетерпения. .

– А Данилу позвал?

– Позвал. Он уже в седле сидит во всем вооружении.

– Тогда, не мешкая более, поехали.

– Поехали....

Все значимые для Юрия Всеволодовича люди подтягивались к его хоромам. Прибыли его сыновья, предводители отрядов, князья бояре, воеводы. Многие приехали в сопровождении слуг и охраны. Поэтому вскоре в княжеском дворе началось столпотворение. Лошади, сани, люди, шум, разговоры, восклицания. Было не протолкнуться. Всех, кто прибыл на совет, спешно вели в княжескую гридницу.

Когда народ собрался, в гриднице появился сам великий князь Юрий Всеволодович. Все встали, поклонились ему и по знаку верховного правителя сели. Множество лампад освещали лики святых на иконах, пустой длинный стол, крытые коврами скамьи и людей. Впереди сумрачных и напряженных бояр располагались княжеские сыновья – Всеволод и Владимир, своей компанией держались самые опытные воеводы князя – Поляба Удалой, Дорож и Петр Ослядукович. За ними сидели с серьезными лицами Богуслав, Эрик, Военаг, Креслав и Градимир.

Юрий Всеволодович мрачно оглядел толпу приближенных и начал говорить:

– Послушайте, советники мои верные! Безбожники-татары движутся к нам. Их хан Батый и сотни тысяч воинов. Враги наши – мордовские племена, башкиры и буртасы – с татарами заодно. Захватили монголы вчера Рязань, сожгли дотла. При штурме погибли князь Юрий Игоревич, его жена, родня и многие боярские семьи. До этого многие города рязанские наши пограбили супостаты – Пронск, Белгород, Борисов-Глебов, Ижеславец. Грады сии были захвачены ими без особого труда. А пленников распинали на дверях домов, расстреливали стрелами, рубили саблями, сдирали кожу с лица, молодых женщин насиловали и вспарывали им животы... Много святых церквей, монастырей, сел предали они огню и пограбили. Старых монахов, попов, разных там калек – слепых, немых, хромых, юродивых да горбатых – умертвили, а юных монахинь, попадьею, и жен дьяков, и дочерей и всех красивых юношей увели в станы свои, дабы

обесчестить их...

– Поганцы, гады, антихристы! – встrepенулись многие воины, воеводы, князья, невольнo хватаясь за мечи. – И как их земля носить! Мы посчитаемся с ними за убитых русичей!

– Еще как посчитаемся! – воскликнул Юрий Всеволодович. – Идут они сейчас к нам завоевывать наше княжество и град наш Владимир да и хотят перебить всех наших жителей. А кого не убьют, того в полон возьмут. Вот мы и встретим их дружно. Топорами да стрелами, копьями да мечами. Петр Ослядукович не выдержал:

– Как же так, великий князь! Мы же откупились от Батые через послов дарами неслыханными, а он ответ не держит – войной на нас идет! Каков лукавец!

Юрий Всеволодович грозно сдвинул брови.

– Выходит, не держит! Слово его неверное! Хитер он и коварен!

Дьявол он с раскосыми глазами! Пойду я соберу по Волге рать большую и дам бой татарам окаянным. Дорож пойдет со мной. А с ними – дружина Богуслава, Эрика, Креслава, Градимира и Военага. Петр Ослядукович и Поляба Удалой останутся руководить обороной града. Они воины опытные в таких делах. Всякого на своем веку повидали.

– Добро, княже, – с готовностью откликнулись воеводы. – Не посралим земли русской и столицы нашей златоглавой! Будем защищаться до последнего ратника!

– Верю, мои други! С нами Бог и крестная сила!

Воеводы, глядя на иконы в углу, троекратно перекрестились.

Князь подошел к Всеволоду и Владимиру и положил им руки на плечи.

– А вы, сыновья мои верные, задержите на недельку другую басурман – не смогут они с ходу взять такой великий град как Владимир. За это время я соберу войско великое. Мне надобно выиграть время. Ясно?.. Держитесь, я скоро прибуду к вам.

Всеволод и Владимир не возражали. На том срочный военный совет и закончился. Князь начал собираться к отъезду. Его командиры и дружинники – тоже.

Только Богуслав задержался с Полябой Удалым. Он обратился к будущему тестю с просьбой:

– Боярин, скажи дочке, что войско наше спешно уходит с князем, оттого я и не мог с ней попрощаться.

– Скажу, непременно, скажу. Не переживай за нее, она все поймет.

Поплачет пару вечеров да утешиться. Ступай с богом, витязь. Тебе надобно поспешать: княже наш торопко собирается. Каждый миг для него драгоценен. Рвется он смертным боем бить татар проклятых. Желает отомстить за всю Русь и русский народ.

– Я ему подсоблю, боярин, не сомневайся.

– А я в том и не сомневаюсь. Зная твою ловкость и храбрость, не позавидую монголам. Немало вражбх голов падет с плеч долой при встрече с тобой.

– Это точно! В любой битве мой меч не знает усталости и жалости к супостатам. Так будет и на сей раз! Понеже треклятый хан Батый потеряет немало своих воинов в скором времени... Ну, воевода, я уже поспешу, пора расставаться.

- Стало быть, пора...
- Воевода и богатырь тепло обнялись, похлопали друг друга по спине.
- Свидимся ли мы, боярин? – промолвил Богуслав.
- Свидимся, непременно свидимся, – уверенно заявил Поляба Удалой.
- Батюшка мой второй, береги Дарину.
- Как зеницу ока буду беречь. К тому же она моя родная дочь – тем более я обязан беречь. Да спаси и сохрани тебя Всевышний. И удачи в бою.
- Благодарю.
- Не поминай лиха!
- И ты будь здоров, воевода!
- Добро...

Богуслав и Поляба тепло расстались.

Спустя два часа великий князь и его дружина покинули Владимир. Их провожал почти весь город.

ГЛАВА 2

СУБЕДЕЙ и БАТУХАН из УЛУСА ДЖУЧИ

Монголы не должны давать своим ханам и благородным людям много возвеличивающих имен или титулов, как это делают другие нации... И к имени того, кто сидит на троне царства им следует добавить одно имя – Хан.

(Великая Яса Чингисхана) Разорив Рязань, татаро-монгольское войско во главе с Батуханом и

Субедеем взяли Переяславль-Рязанский и двинулись по реке Оке в сторону Коломны. Остатки рязанских войск отошли к Коломне и приготoвились к последней битве с кочевниками.

Юрий Всеволодович послал войска во главе со своим старшим сыном Всеволодом на помощь отступившим из Рязани ратникам.

1 января 1238 года войска кочевников у Коломны встретились не только с остатками рязанских войск, но и с многочисленной дружиной Всеволода, усиленной ополчением со всего Владимиро-Суздальского княжества. Не ожидавшие усиления рязанцев свежими силами, передовые монгольские отряды поначалу были отброшены. Был убит дядя Батухана – Кулькан. Но вскоре подошли основные силы великого джихангира и тяжеловооруженная конница, и монголы нанесли поражение русским. Уцелевший в битве Всеволод спешно вернулся сначала в ставку отца, а затем во Владимир.

20 января 1238 года брат Батухана – Шейбан с 30-тысячным войском захватил Москву. В плен к кочевникам попал наместник владимирского князя в Москве – его младший сын Владимир. Другое войсковое объединение кочевников овладело и разрушило Суздаль. После этого Батухан и Субедей со своей ордой двинулись на столицу Владимиро-Суздальского княжества.

...И вот настало 9 февраля 1238 года. Накануне после длительной осады великий град Владимир взяли полчища Батухана и Субедея. Человек сто, сумевших вырваться живыми из разоренного города, прибыли в Керженские леса в город Малый Китеж, что стоял на Волге, к великому князю Юрию Всеволодовичу. Отныне правитель Владимиро-Суздальской Руси базировался здесь со своим войском.

Среди спасенных оказались: родственник Юрия Всеволодовича – князь

Волынский, воевода Поляба Удалой, Омеля, их дочери Дарина и Велена, слуги, а также купцы, бояре, воины, ремесленники и смерды. Их встречал сам великий князь. Ему не терпелось узнать последние вести о своей семье и городе Владимире.

Поляба бросился в ноги к властителю и воскликнул:

– Идут татары к нам на Малый Китеж, великий князь! Их тьма! Как муравьев на муравьиной куче! А град наш славный Владимир не удержали мы, пал он вчера! Твои соколы храбрые Всеволод и Мстислав хотели сразиться с монголами на подступах к городу, но отговорил их Петр Ослядукович, сказал: "ежели сможем, то со стен будет обороняться". Семь дней оборону мы держали, а на восьмой – не устояли. Проклятые татары обнесли наш великий град тыном и установили осадные орудия. Штурм вороги зачинали поутру в воскресенье у всех пяти ворот, а к середине дня прорвались внутрь крепости через стены, около Золотых ворот и у церкви Святого Спаса Часть горожан заперлась в Успенском соборе. Так татары подожгли и его! Теперь Владимир горит – пожары пылают повсюду! Почти всех жителей смерти предали, не пожалели ни стариков ни детей ни женщин, а кто остался, взяли в полон! Воевода Петр Ослядукович убит!

Князь вмиг стал чернее тучи.

– О, господи, какие неприглядные дела творятся на сей праведной земле! А что случилось с моими, Поляба?! Отчего ты промолчал за них? Живы ли они? Говори, не томи! Аль принес худые вести?! Я оно не переживу!.. У воеводы выступили слезы на глазах.

– Мой князь, твоя жена Агафья Всеволодовна, сыновья Всеволод, Мстислав, дочь Феодора, невестки Марина, Мария, Христина, и все внуки твои попали в плен к Батухану и Субедею и погибли в страшных мучениях и насилии. А еще до первого штурма нашего великого града на глазах у всех владимирцев монголы лишили жизни твоего младшего сына Владимира. Оказывается, не убили его в Москве поганые татары, а взяли лишь в полон. Но недолго он прожил в плену. Царство небесное ему. И всем-всем вышеназванным. Выходит, твои близкие, великий князь, покинули наш мир все до единого. Отныне ты один на целом свете. И мы осиротели вместе с тобой...

Князь схватился за голову, глаза его сделались безумными. Он взвыл как дикий зверь:

– О горе мне, грешному! За что мне все это! Чем я провинился перед Вседержителем небесным... Ну берегитесь, монголы! И ты, Батый, берегись! Не спущу вам сии злодеяния! Я буду вас бить, резать, колоть, рвать зубами доколет сердце мое не поразить вражеский меч или стрела! Я уничтожу их всех! Я буду биться за десятерых! Как и мои воины! Изведают они нашу силу удалую!

Юрий Всеволодович не в силах сдерживать слезы бросился к себе в хоромы. Правитель Владимиро-Суздальской Руси не хотел показывать своих чувств перед народом. Для них он должен всегда оставаться мужественным, хладнокровным и суровым вождем, не ведающим жалости и слабости к врагам. Поляба Удалой, Омеля и князь Волынский последовали за ним, чтобы утешить его и посоветоваться о том, что делать дальше, а Богуслав кинулся к Дарине.

– Дарина, ты здесь, голубушка моя! – просиял богатырь.

– Богуслав! – обрадовалась девушка. – Любимый!

– Любимая! Я так переживал за тебя, Дара! Коли бы не князь, я бы быстрее ветра умчался биться к стенам Владимира. Я так хотел выручить тебя.

– Слава господу, все обошлось, любимый! Но сколько смертей людских я насмотрелась – не счесть! Я чуть с ума не сошла от увиденного. Бились владимировцы героически. Но сил мало у них имелось, и подкрепление не было. Числом проклятые татары нас взяли, да и воинским искусством. Но хвала Вседержителю и кресту нательному – я жива. Ушла я с батюшкой и остальным народом через подземный ход, что вел к заброшенному колодцу у села Синее.

– Как я счастлив, что ты цела и невредима, ты не представляешь! Я бы жизни себя лишил, ежели ты погибла.

– Я тоже счастлива снова увидеть тебя!..

Руки влюбленных встретились. В порыве чувств Богуслав и Дарина чуть не обнялись и не расцеловались, но с великим трудом сдержались: ведь они пока не повенчаны, а рядом снует ушлый народ – будут потом злословить и осуждать их. Поэтому богатырь лишь ласково пожал нежные девичьи пальцы, а боярышня ответила еще более ласковым пожатием. И руки влюбленных разомкнулись.

Эрик, увидев Дарину и Богуслава вместе, яростно сверкнул глазами и едва сдержался, чтобы не вытащить меч и не убить счастливого соперника. И, выругавшись по-норманнски, Эрик отошел прочь. Он заставил себя не смотреть на любовные воркования жениха и невесты, избегая тем самым необдуманных и роковых поступков со своей стороны, но ладонь викинга предательски обняла красивый резной эфес.

Его верный друг Бьорн подошел к нему и предупреждающее взял его локоть.

– Успокойся, вождь, и сними десницу с рукоятки своего меча, а то могут возникнуть неприятности.

– Проклятый Богуслав, я готов напасть на него прямо сейчас.

– Это безумство, Эрик. Если ты даже одолеешь Богуслава, то великий князь тебя явно не пощадит и казнит несмотря на твои заслуги. Чего ты добьешься этим?

– И что мне делать, Бьорн? Когда я вижу их вместе – я теряю разум, и великая ярость закипает в груди. Рука моя невольно хватается за оружие, пред моими глазами плывут видения, и все они до боли схожи: Богуслав лежит с мечом в груди, а я обнимаю Дарину. Так скажи, мой верный советник, что мне предпринять против этого наваждения? Я могу сойти с ума.

– Пока ничего, мой вождь, – спокойно ответил Бьорн.

Эрик пришел в недоумение.

– Как это?

– А вот так. Тебе надо выждать.

– Что выждать? – начал терять терпение Эрик.

Бьорн пояснил:

– Удобный момент.

– Да говори ты толком!

– Пора да время дороже золота. Время разум дает. Пока ты выжидаешь, многое может измениться в жизни, если не все. Либо Богуслав погибнет от вражеской стрелы, либо ты будешь сопровождать Дарину в переходе в новые укрытия или города и воспользуешься случаем да похитишь ее. Либо монголы побьют князя, а мы переедем на их сторону – и Дарина опять же твоя. Либо... То есть могут произойти со временем события, которые и помогут тебе осуществить свою мечту. Это и есть удобный момент.

Эрик просиял.

– Ты прав, Бьорн, это золотой совет. Я поступлю, как ты сказал.

Ничего, я буду выжидать, я стисну до хруста зубы, но героически потерплю. И верю, придет время, и я жестоко отомщу Богуславу, а Дарину возьму силой и увезу в свою родную Норвегию. А пока пусть голубки радуются, недолго им осталось наслаждаться своим коротким счастьем.

– Вот это разумно, мой вождь! Вот это правильно! – обрадовался

Бьорн и дружески похлопал вождя по плечу. – Пусть нам помогают три сестры времен – норны. Особенно, богиня будущего – Скульд! И будет к тебе благосклонна богиня любви – Берта! И тогда все у нас образуется!

Эрик торжествующе вскинул руки вверх.

– Да засвидетельствует твои слова великий Один и все нордические Асы!..

Вскоре вестовой от Юрия Всеволодовича устно передал Эрику предписание Полябы об определении временного места для поста норманнской дружины. Викинги двинулись вслед за вестовым.

...Велена, заметив Богуслава с той, которую она больше всего ненавидела, не посмела подойти к витязю, хотя сгорала от безумной страсти. Девушка проявила волю. Запрятав глубоко в душу свою страсть и чувство ревности, она отправилась за отцом в хоромы, временно предоставленные им городом.

К вечеру Богуслава, Эрика и других предводителей дружины позвали на военный совет к князю. Впрочем, как и бояр и воевод. И посадского Малого Китежа – Евлампия.

Юрий Всеволодович начал совет без обиняков:

– Вот что, мои верные друзья, Батый и Субедей охватили нас с двух сторон – нам не вырваться! И Малый Китеж мы не удержим: слаба оборона града. Придется нам отступать к Большому Китежу. Туда татарам не добраться. Болота, непроходимые леса. А ежели что, примем бой за стенами Большого Китежа. Крепость там надежная и людей поболее, чем в Малом Китеже. С ходу нас поганцы не возьмут. Кто согласен с моим словом, поднимите руки.

Все присутствующие на совете дружно согласились с князем, кроме посадского.

– Не гневись, княже, – сказал Евлампий – Но я не последую за вами, я останусь град защищать. Я здесь всю жизнь прожил, здесь и уйду в землю. И таких нас много. Дозволь, великий князь, в граде нам остаться и умереть с честью. Заодно мы и задержим на какое-то время проклятых татар, дабы вы успели отойти к Большому Китежу. А еще я вам дам надежного проводника, он и проведет вас к Большому Китежу.

Юрий Всеволодович прослезился, подошел и крепко обнял Евлампия.

– Дай-ка я тебя расцелую, герой. Молодец, Евлампий. Что же

оставайся, неволить тебя не буду. И твоих единомышленников – тоже. Раз решили принять смерть на родной земле – оставайтесь. И зело благодарю за помощь... А всем остальным собираться в дальнейший путь! И с богом!.. И вот войско в десять тысяч человек отправилась к Китежу. Помимо дружинников там были крестьяне и горожане с вилами и топорами. За ними двигались многочисленные сани с женщинами, стариками и детьми и их пожитками. Это были те, кто не хотел оставаться в Малом Китеже по причине быть убитым или захваченным в плен. За Юрием Всеволодовичем последовали и все наши герои: Поляба, Омеля, Дарина, Велена, князь Волынский, бояре, их жены, дети и челядь. Обозный караван растянулся на многие версты.

И вот князь, дружина и его приближенные после долгого пути въехали в град Большой Китеж близ западных ворот, где стоял собор Благовещения Пресвятой Богородицы. На высокой колокольне при храме торжественно звонили колокола, на городских стенах были разожжены костры для согрева караульных. Город был красив и чуден – избы, клети, церкви, колокольни, часовни, хоромы, затейливые терема и башнеобразные и высокие повалуши из белого камня и кондового дерева. Город был хорошо укреплен: с трех сторон его окружали глубокие рвы и мощные валы высотой до десяти метров. На валах стояли деревянные стены с многочисленными смотровыми башнями. Четвертую сторону Китежа прикрывал крутой берег и озеро Светлояр.

После того как возвели Малый Китеж по княжескому распоряжению, Юрия Всеволодовича, минув реки Узолу, Санду и Керженец, нашёл прекрасное место на берегах озера Светлояр. Там было необычайно красиво, тихо, а на другом берегу озера шумела дубовая роща. Юрию Всеволодовичу очень понравилось этот участок, и он по просьбе местных жителей велел строить на берегу озера город в размерах больших, чем Малый Китеж. Поэтому новый город и назвали Большой Китеж.

Город начали отстраивать 1 мая 1165 года, в честь памяти святого пророка Иеремии. И возводился Большой Китеж три года. Построили его окончательно 13 сентября 1168 года, в день памяти святого священномученика Григория, епископа Великой Армении.

...Богуслав радовался прибытию в родной город как ребенок. На то были две причины.

Первая – это то, что он вновь посетит свой дорогой сердцу Китеж и после длительной разлуки увидит мать, отца и двух братьев.

А вторая – то, что с ним туда пребывает его будущая жена – Дарина.

Без нее Богуслав теперь не мыслит своей жизни. Витязь непременно расскажет матушке о своей возлюбленной, опишет ее внешность, нрав и положение и предварительно они оговорят, когда засылать сватов к Дарине. Правда, свататься он будет после войны. Вот как только он с великим князем и ратными товарищами разобьет полчища Батгя – так сразу и позовет замуж Дарину. А в том, что русичи разгромят монголов, Богуслав нисколько не сомневается. И это произойдет в течение двух-трех месяцев. Еще никто из врагов не покорил доселе великую Русь!

...Богуслав отделился от отряда и поехал к отчому дому. С собой он взял Ярему Медведя и еще одного своего десятника Данилу Храброго –

широкоплечего, приземистого и могучего воина. На окраине Китежа они нашли справную большую избу с летними клетями и пристройками. А за ней – большой земляной надел, запорошенный снегом. То было вотчина родителей Богуслава.

Весть о прибытии Богуслава в Китеж бежала впереди богатыря.

Поэтому витязя и его друзей уже встречали хлебом-солью да чаркой с медовухой. Мать – Зорица, отец – Далибор, и два младших брата – Добромил и Ждан. Одному брату было тринадцать годков, другому – десять. Подле них крутились трое холопов. Отец богатыря был калека: в сражении с половцами он потерял одну руку. Когда-то он верой и правдой служил отцу великого князя – Всеволоду Большое Гнездо. За это Далибор получил земельный надел от Всеволода, а Богуслав по наследству стал дружинником. – Матушка! Батюшка! Братья! Мир вашему дому! Как давно вас я не видел! – принялся обниматься и целоваться с родителями Богуслав. – А это мои верные братья по ратному делу – Данила Храбрый и Ярема Медведь. Решил с собой пригласить, зараз надёжи они для меня, верные надёжи. Как правая и левая длань – не могу без них в бой идти.

– А мы без него не можем, – сказал Ярема. – Ежели мы руки верные для него, то он для нас как голова. Подчиняемся его во всем, не перечим особливо. Только спорить можем и то по ратному делу касательно. Но и тут он нас превзойдет, умен наш предводитель.

– И храбр, – поддакнул Данила.

Богуслав деланно возмутился.

– Да полно, братья-братушки, хвалить меня, а то зардеюсь от ваших речей как девица. Похвальба молодцу только пагуба.

– Кто бы говорил, сам нас превозносишь велико, а нам разве не можно?

– отпарировал Ярема.

Богуслав улыбнулся.

– Вам не можно, а мне не возбраняется. На то я ваш и предводитель.

Зорица прослезилась.

– Это хорошо, что привел за собой товарищей преданных, боевых, пуцай заходят. Гостям мы всегда рады. Им первое место и красная ложка... Как давно тебя, сыночек, мы не видели. Ты все в боях да на службе – и в родной град редко заглядываешь. Кабы не беда нынешняя, ни татары поганые, то тебя еще несколько лет не узрели в отчем доме. Дело ли это? Богуслав нежно и добро улыбнулся.

– Матушка, на то княжья воля. Где он, там и я. Так отец служил, так и я сейчас служу. Мы верные слуги своих хозяев. Тем более такого хозяина как благоверный князь и правитель Владимиро-Суздальской Руси Юрий Всеволодович.

– Да понимаю я то, сынок, понимаю... Но так порою хочется тебя увидеть – аж сердце кровью обливаются. Хоть на минутку увидеть. Посему временами и плачу по ночам: где же мой сыночек ненаглядный, что с ним?

– Не переживай понапрасну, матушка, со мной всегда все в порядке.

– А где твоя зазнобушка, дочь воеводы Полябы Удалого – Дарина?

Люди говорят, что в жены ее берешь. О кулачном бое, в котором ты норманна побил за нее, тоже речь ведут. Говорят, она красавица!

– Да еще какая! – воскликнул Богуслав. – Словно яркое солнышко, словно утренняя заря, словно небеса лазоревые! Глянешь на нее единожды –

и на века залюбуешься! Вот когда увидишь ее – познаешь мою правоту, матушка. Клянусь богом.

– Увижу еще, увижу, – закивала головой Зорица. – Проходите гости дорогие в горницу. Угощу вас пирогами, кашей, кренделями, зайчатиной на углях, морсом брусничным да медом хмельным... Но надолго ли в родной город вернулся, мой сынок, доколе здесь князь, и войско его пробудет?

Народ говорит, монголы к нам движутся и что их не счесть.

– Ничего, матушка, сосчитаем их по головам, мечом острым да тяжелой палицей посчитаем. Боюсь, что им счетец подобный не по душе придется. А войско наше навсегда здесь останется – оборонять град будем. И числом и умением. И мужеством. Никуда из Китежа не уйдем, до своего смертного конца будем биться. Тем более я. Ведь здесь вы, мои родители, братья мои, родина моя – значит здесь мне и умирать. И право не жалко. Правда, погибать я покамест не желаю. Доколе на Дарине не женюсь, пушай старуха-смерть обходит меня стороной. Вот мое богатырское слово.

– Да хранит нас всех Всевышний милосердный, – Зорица перекрестилась и осенила всех крестным знаменем. – Спаси и сохрани!

Все перекрестились, да не единожды, и прошли в дом...

Долго сидели за столом Богуслав, его верные дружинники и близкие.

Витязь много рассказывал о своей нелегкой службе, делились также своими воспоминаниями Ярема и Данила. Мальчишки слушали, открыв рот, про ратные подвиги своего брата и его смелых воинов.

– Выехали мы к реке – а там болгары! – припомнил один случай Богуслав. – Их видимо-невидимо. А нас – не более ста. Что делать? Назад воротиться – в спину ударят да положат немало наших ратников. Вперед на болгар переть – тоже гибель. Решили тогда погибнуть героически. Ринулись на врагов. Я выбрал для себя их предводителя – здоровущего витязя. Весь в кольчуге, в латах, в шлеме закрытом. Подумал: коли я изничтожу их вождя, может, враги дрогнут и ударятся в панику. Доколе добрался до болгарского вождя – человек семь супостатов порубал. И Ярема и Данила тоже хороши – валят направо и налево врагов, мне путь расчищают. И вот добрался я до вражьего витязя...

Богуслав сделал паузу и отпил из кружки медовуху.

– А далее? – не вытерпели мальчишки.

– Далее? – усмехнулся богатырь. – А далее вот что было... Схватились мы на мечах с болгаром – крепко мне стало. Чую, силушки в нем немерено, ни в чем мне не уступает. А может в чем-то и превосходит. И зараз думаю думаю: что делать? Долго так биться? И возьму ли я его? На мечах – вряд ли! Пошел я тогда на хитрость. Отбросил я щит и схватил булаву в левую длань. Сошлись мы снова с болгаром, скрестились мечи наши крепко да намертво, не можем отнять друг от друга – перекрестьями зацепились. Оттолкнул я его от себя и нанес со всей силушки и размаху удар по нему, но уже булавой. Попытался он закрыться щитом, да запоздал маленько, не высоко поднял-то щит. А булава так и пришлась по шлему крепко – закачался ворог в седле да упал с коня без сознания. А болгары увидели, что их вождь пал, сразу дрогнули, некоторые поворотили даже вспять. А тут еще подоспели – человек тридцать отставших наших и давай осыпать ворогов градом стрел. А болгары подумали, что основные силы наши подошли и обратились в бегство. Вот так не числом, а умением выиграла мы это сражение. А тот

вождь что я сразил, оказался жив, я его в полон взял да к великому князю Юрию Всеволодовичу привел. Правитель наш простил его да князю новгородскому подарил, и стал болгар у него в наемниках служить. Да вот прослышал я намерения, что в том году его сразила вражеская стрела. Жалко его, добрым ратником был, хоть и болгаром. Звали его Мило Красный Шрам. Может, слышали?

– Как же! Мы слышали о нем! – чуть не хором воскликнули мальчишки. – И про его подвиги – тоже! Невероятно, и ты его победил?

– А кто еще кроме меня?

– Выходит, ты на самом деле лучший богатырь всей Руси?

Богуслав заулыбался и шутливо произнес:

– А вы, чертёныши, сомнения разве имели насчет брата своего родного? Усомнились в моей силе? Вот я вам трепку задам.

– Нет, не имели, – растерялись мальчишки. – Но... Мило Красный Шрам... он же...

Взрослые дружно рассмеялись.

– Эх, вы, несмышленики, – ласково потрепал братьев за волосы Богуслав. – Это все не выдумки, это правда... Слушайте другую быль, малые... Про битву с мордвой...

Мальчишки замерли за столом и обратились в слух...

Расходится и гости и хозяева стали за полночь. Спали кто на печи, кто на полатах, а кто и на лавках. В доме было натоплено. Приятное тепло обволакивала людей словно вата. Оттого и спалось всем безмятежно и сладко. И не верилось, что где то идет война, гибнут люди, и пылают в огне русские города и села. Казалось, это все далеко и неправда.

...В том кровавом феврале полчища Батухана и Субедея захватили и разорили четырнадцать городов. А разных селений и деревень – просто не счесть! Различные отряды царевичей напали на Ярославль, Ростов, Городец Волжский. Татары, разоряя все на своем пути, двинулись далее по Волге, их жертвами стали Кострома и Галич. Опустошено было все междуречье Клязьмы и Волги: Переяславль-Залесский, Кашин, Тверь, Кснятин, Юрьев, Волок-Ламский, Дмитров. Все эти города были сожжены, разграблены, а жители убиты или взяты в плен. Те, кто убежал от беспощадных и жестоких кочевников, спасались по немногочисленным трактам, дорогам и стежкам, свободных от монгольских разъездов.

Глухомань лесов близ Китежа. Вокруг засыпанные снегом дубы, вязы, сосны. Снег на кочковато-болотистой земле. Где-то полыхают алые островки клюквы. Замерзшее озеро Светлояр. И два всадника. В тридцати саженях от них – дюжина человек из княжеской дружины.

Князь Юрий Всеволодович и его верный ратник Богуслав вели неспешный диалог. Князь не на шутку был встревожен и опечален.

– Преследуют нас несметные полчища Батыя, рыщут по лесам.словно черные тучи они закрыли солнце. Мало нас воинов дабы противостоять им. И вот гонец прибыл нынче к нам: Малый Китеж тоже не устоял... Эх...

Вырезали там ироды окаянные, вороги узкоглазые, весь христианский люд. Никого не пожалели. Евлампия, посадского, тоже не пощадили. Храбро он бился, но окружили его монголы, да засим на копья подняли, а после и голову отсекали. Разорили узкоглазые Малый Китеж, и Большой Китеж –

тоже разорят. Стало быть, примем мы последний бой у сего града, и нет нам уже видимо спасения. Отовсюду нас зажал чертов Батый. И что поделывать с этим, ей-богу, я не знаю. Откуда нам подмогу брать, мой верный Богуслав? И как нам спастись от лютых ворогов?

– Княже, я один из твоих советников, и вот что скажу. Я из Китежа-града родом и знаю одну тамошнюю тайну.

– Что за тайна такая?

– А вот какая, княже. Живет в этих лесах близ озера Светлояр один колдун. Последний из племени полоцких волхвов. Его сильно почитают горожане и жители окрестных земель. Может быть, он своими заговорами и спасет нас всех от поганых татар?

– Ежели бог наш всеильный Христос не хочет защитить землю нашу родимую о ворогов, то придет ли нам помощь от какого-то колдуна? Тем более язычника.

– Почто нет, княже! Зовут его Милонег. Он зело сильный колдун, провидец и знахарь. Матушка носила меня к нему, в ту пору, когда я малой ногами слаб был да хил, не ходил вовсе. И помер бы – ежели не он. Траву он дал одну приворотную и спасительную – вот я и ожил. Стал ходить, силу набирать и, в конце концов, богатырем дюжим стал. Говорят, он с силами стихии знаком. И с древними богами. А еще в народе болтают, что он сын Царя Водяного – Чудища Светлоярского. А вдруг он найдет на татар окаянную бурю али потоп, али грозу невероятную. А может он огнем их спалит? Отчего бы нет – раз он колдун!

Юрий Всеволодович недоверчиво усмехнулся.

– Сын водного царя? Едва ли я поверю в эту бредню. Пустословие все это. Но все же ты высказал добрую мысль, Богуслав, просить чародея о подмоге. Ежели Царь божий не подсобляет мне, то пусть подсобляют языческие идолы. Иди к нему, Богуслав. Я же, как и ты, веры христианской, и негоже мне там появляться. Тем более я великий князь. Я не должен с ним общаться. Он – язычник. Что обо мне люди скажут? Князья, бояре, воеводы. А тебе дозволено, мною дозволено. Ты тайно к нему иди. Спроси подмогу, совет спроси. Интересно, что он скажет, какое его будет слово вещее.

– Добро, княже. Отправлюсь к нему немедля...

И в этот день Богуслав с Яремой Медведем и Данилой Храбрым и еще с пятью верными товарищами поехал разыскивать Милонегу в заволжских лесах.

Долго дружинники искали колдуна, пока один из местных жителей не указал едва приметную тропу между вековых сосен. Они поехали по ней, увязая в глубоком снегу. Затем Богуслав и воины спешили и повели коней под уздцы. Через некоторое время воины добрались до большой полянки, где обнаружили одинокую избушку, на кровле которой вместо традиционного конька выступал деревянный языческий знак – "Сваор-Солнцеврат". Этот знак символизировал для противников христианской веры постоянное "Движение Ярилы-Солнца по Небосводу". И для того человека, кто использовал этот символ, он означал очень многое. И "Чистоту Помыслов и Деяний", "Благость и Свет Духовного Озарения". Судя по всему, в этом простом, но таинственном жилище обитал великий мудрец. Значит, Богуслав был у цели.

Чуть дальше от избы торчало несколько вкопанных в землю

деревянных идолов, изображавших основных языческих богов – Перуна, Ярило, Светича. Рядом с кумирами – четыре деревянных столба, вырезанных в виде медведя, волка и орла и водного ящура. А ближе к краю поляны – возвышался заснеженный холмик с воткнутым в него столбиком, на котором было вырезано ножом только одно слово: "Ладимира".

– Это, выходит, и есть пристанище Милонег, – предположил Богуслав.

– Похоже на то, – согласился с предводителем Ярема. – Видишь, языческие идолы кругом. И солярный знак на охлупени.

– Угу, – кивнул головой Данила. – Знак Ярилы.

Колдун, видимо заслышав стук копыт, лошадиное ржание и человеческие возгласы, решил выйти к незванным гостям.

Дверь заскрипела, и из-за нее появился старец – седая голова, седая борода. Но ростом он был высокого, плечи широкие, тело худое, но крепкое.

Чувствовалась в нем немалая физическая и внутренняя сила, очи его были ясны и тверды и излучали неземной свет. В руках у него был длинный, толстый и тяжелый посох, наверху которого был вырезан голова медведя. Этим посохом старец мог с одинаковым успехом прокладывать дорогу сквозь дубраву и отражать атаки вражеских мечей. Он настороженно принялся изучать непрошенных гостей: не по его душу приехали дружинники? Но увидев среди вооруженных ратников, Богуслава расслабился. Взгляд его потеплел.

Богатырь прокричал колдуну:

– Приветствую тебя, Милонег! Не узнаешь меня, это я – Богуслав, сын Зорицы-ткачихи. А отец мой – Далибор – служил верным дружинником у князя Всеволода Большое Гнездо. Ты меня в детстве спас от смерти!

– Я уже не помню, добрый молодец, кому я помогал и сколько людей я спасал, – схитрил колдун. – За все мои прожитые годы много хворого люда у меня пребыло – даже не сосчитать. Но приветствую тебя, Богуслав. Что за нужда привела тебя ко мне? Да и добры ли твои намерения ко мне или худы?

– Я с добрыми намерениями, Милонег! От великого князя Юрия Всеволодовича послан к тебе. И с большой просьбой!

– И что желает великий князь?

– Град наш Китеж Большой от монголов надобно как-то оградить, да и князя, воинов да простой люд схоронить. Что нам делать, ведун, подскажи? Как великую беду отвести от нас?

– Что делать? Как отвести?.. – Милонег на минуту задумался и затем ответил. – Пусть не печалься напрасно, великий князь, я сберегу его, дружину, народ и город. Покорнейше попрошу об этом своего отца – Владыку озера. Только, однако, есть одно условие для великого князя.

– Какое?

– Передай князю, что в обмен на защиту его и его людей он обещает не преследовать и не убивать волхвов и не разорять наши храмы. Выполнит он это обещание тогда я спасу его и Китеж-град.

– Но...

– Это мое последнее слово, храбрый витязь и больше я ничего не скажу вам! Прощайте!

– Добро, великий старец, я передам твою просьбу Юрию Всеволодовичу и привезу тебе весть о его решении! – пообещал витязь.

Милонег кивнул, склонился в три погибели и зашел в дом. Дверь за ним затворилась. А Богуслав со своими братьями и верными воинами поехал обратной дорогой в Китеж.

По приезду в княжескую резиденцию между Богуславом и Юрием Всеволодовичем состоялся тайный разговор.

– Я нашел волхва и разговаривал с ним, – доложил витязь.

– И какие успехи? – поинтересовался правитель.

– Княже, он обещал, что спасет Китеж и всех нас, но выставил тебе одно условие.

– Какое-такое условие? – недобро нахмурился князь: он не любил когда ему перечили или выдвигали какие-либо требования.

– Ежели он поможет тебе, княже, то ты тогда не станешь более притеснять волхвов во Владимиро-Суздальской земле. Вот его условие.

Юрий Всеволодович "взорвался":

– Я не могу ничего обещать оному чародею! Его братья и сестры – еретики, язычники, отступники! И я их должен уничтожить! Так поступал мой батюшка – Всеволод Большое Гнездо, дед – Юрий Долгорукий, моя дядя – Андрей Боголюбский... так и я буду поступать всегда. Об том я не желаю никаких речей слушать! Не желаю!.. Ах, этот подлый колдун, дорого же он запросил за наше спасение!

Богуслав помрачнел и задал правителю прямой вопрос:

– Так что ему передать, великий князь? Каков твой ответ?.. Я слово дал, что я сегодня привезу ему отклик правителя...

Юрий Всеволодович поморщил лоб и крепко задумался... Прошла минута – и его гневный пыл угас. Религиозная война это одно, а спасение целого города и жизней дружинников и горожан – это другое. В этом деле его княжеская гордыня ни к чему хорошему не приведет. Выходит, нужно ему, великому князю Владимирскому, унять свое высокомерие и соглашаться с условиями проклятого кудесника. А куда деваться? Договор с колдуном – это единственный шанс спасти Китеж и своих поданных от неумолимо надвигающейся беды.

– А впрочем, волхвов осталось не бог весть сколько, зело мало, и хоронятся в непроходимых лесах, – уже миролюбиво начал Юрий Всеволодович. – Тем паче они вскорости сами повымрут, ведь вера наша христианская сильнее их языческой. А идолы их нечета нашим иконам и нательным крестам. И по силе воздействия и по чудесному спасению... Лады, пушай будет по его прощению. Уступить в малом – не значит окончательно сдаться. Я радею за спасение всех людей христианских, войска своего и града и за это я готов на греховный сговор с чародеем. Уповаю на то, что Господь меня простит.

Богуслав обрадовался.

– Вот и славно, княже! Всевышний по достоинству оценит твое радение к православному народу... Поскачу тогда я скорее к Милонегу, передам ему весть нужную. Будем надеяться, что он нас спасет.

– На бога надейся, а сам не плошай, – горько усмехнулся Юрий Всеволодович. – Ежели никто не поможет нам супротив Батгья, биться будет сами. Еще остры наши копыя да стрелы, не заржавели пока наши мечи булатные! Еще сильны руки наши, да зорки очи! А в душе нашей горит дух победителя и ненависть к врагам. И мы непременно их разобьем!

– Разобьем, княже, разобьем.

... Богуслав не замедлил явиться к Милонегу и передать ему в точности ответ Юрия Всеволодовича. Колдун, внимательно выслушав приятную для него весть, удовлетворительно кивнул.

– Скажи великому князю, что я сдержу свое слово. Не дам я супостатам, татарам поганым да их приспешникам, захватить Большой Китеж. Пущай великий князь и народ будут спокойны за себя и за град. Ступай с миром, княжеский ратник.

– И тебе всех благ, мудрый старец! – не замедлил отозваться витязь.

– Тебе тоже! Пусть тебе бережет мой покровитель Светич!

Богуслав ускакал. Милонег вышел к капищу, помолился своим идолам, а затем, подняв руки к небу, стал заклинать громким голосом силы природы:

– Оттай, разверзись жижга болотная! Открой свой зев тинный, глубокий и зловонный, да поглоти врагов наших! Всех до единого! А ты, сосновый лес, завали супостатов своим могучими стволами! Не дайте пройти ворогам к Китежу! Не да им учинить злодеяния над его жителями! Да сбереги князя и его дружину!..

После этих слов темное небо стало еще темнее, задул сильный ветер, и закачались мохнатые лапы елей и сосен. Природа откликнулась на зов человека.

На одном из лесистых заволжских холмов находилась ставка самого великого Батухана. В центре – огромный белый шатер на громадной повозке с шестью здоровенными деревянными колесами и запряженный в ряд восьмью сильными и отборными белыми быками. Рядом с шатром был разложен огромный костер.

Сам Батухан, подбоченись, сидел на белом рослом коне. На голове хана красовался позолоченный шлем с нащечниками, отделанный снаружи соболиным мехом с конским белым хвостом на конце. Одет Батухан был в длинный теплый халат, богато расшитый золотыми и серебряными узорами и с белыми полосками по краям подола. Поверх халата был металлический панцирь с наплечниками с насечками из золота и серебра. Великий хан любил покрасоваться перед своими начальниками, а особенно перед простыми воинами. Он любил, когда его боготворили.

За Батуханом находились нарядно одетые полководцы, царевичи, ханы, родственники и другие его приближенные. В том числе темники. Под знатью и военачальниками были отличные рослые кони с дорогой сбруей, отделанной золотом. Некоторые всадники были в кольчугах, другие в блестящих панцирях.

Заметной фигурой среди всей этой пестрой толпы был великий и доселе непревзойденный полководец Субедей – творец громких побед, приписываемых многими летописцами Чингисхану и Батухану. Сутулый, полный, но крепкий как дуб, с черной повязкой на одном глазу он сидел на низкорослом и мощном коне, способном выдержать и не такое грузное тело. Полководец был в простом одеянии и простом шлеме с лисьим хвостом. Он как всегда был спокоен и хладнокровен. С ним были его сыновья: Кукуджу – тысячник правого крыла войска и Урянхатай.

Батухана сопровождала личная гвардия – отборная сотня лучших

тяжеловооруженных монгольских воинов. Их кони были защищены металлическими пластинами, от головы до хвоста. На передних ногах жеребцов были стальные поножи.

К Батухану прибыл напуганный и ошеломленный предводитель разведывательного отряда. Он запричитал:

– О, Саин-хан, не иначе этот проделки злых духов! Они творят такое!..

Батухан недоуменно вскинул брови.

– Что случилось, мой верный слуга?

– Мои воины пошли вправо – и провалились в болото! Оно, оказывается, не замерзло – что удивительно! Его лишь сверху запорошило снегом. Человек пятнадцать моих верных лучников сгнули под грязной жижей. Засосало их вместе с лошадьми. Там – гигантская яма! А пошли мои воины влево – как вдруг ни с того ни с сего сосны высокие в два обхвата на головы повалились. Еще двадцать человек задавило. Не можем мы никак пройти далее. Часть батыров уже поворотила вспять. Смерть кругом, мой великий хан, погибель! Колдовство здесь прямое – не иначе! А урису-проводнику размозжило голову стволом – кто теперь укажет нам путь к Кидишу? Только он знал тайную тропу к граду.

Батухан вскипел. Яростный крик вырвался из его груди:

– Хараал!!! Проклятье!! Не иначе это проделки какого-то шайтана-уруса! Он заколдовал дорогу! Но я доберусь, чего бы это мне не стоило, до Кидиша и до этого чертова князя Владимирского! Пусть даже для этого придется сжечь весь лес и всю Русь! Позовите ко мне Хагана! Да поживее! Верные нукеры стремглав умчались за главным шаманом всех монгольских улусов – Хаганом.

Великий джихангир в ожидании главного колдуна дергал от злобы за уздцы коня, и тот невольно плясал под ним. Субедей по-прежнему оставался спокойным.

Вскоре прибыл Хаган со своей свитой из дюжины верных помощников-шаманов. Внешность его была весьма примечательная: бронзовое зловещее лицо, густые грозно сдвинутые брови, черные немигающие как у змеи глаза, крючковатый нос, острый подбородок, выдающиеся скулы, большой рот, кривые, но крепкие зубы, черные длинные волосы, заплетенные в косички, черный стрелки-усы и острая клиновидная борода. Мрачный вид колдуна дополнял длинный черный стеганный халат с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.